

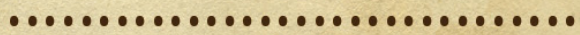
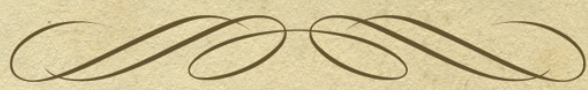
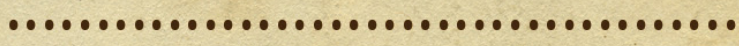

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

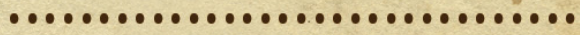

ДОРОТИ Л.

САЙЕРС

ДЕВЯТЬ ПОГРЕБАЛЬНЫХ
УДАРОВ

Лорд Питер Уимзи

Дороти Ли Сэйерс

Девять погребальных ударов

«Издательство АСТ»

1934

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Сэйерс Д.

Девять погребальных ударов / Д. Сэйерс — «Издательство АСТ»,
1934 — (Лорд Питер Уимзи)

ISBN 978-5-17-147310-5

Покой тихой деревни в Восточной Англии нарушен – на местном кладбище найден труп. Казалось бы, что здесь необычного? Вот только обезображенное тело принадлежит жертве таинственного убийства... По просьбе настоятеля приходской церкви лорд Питер Уимзи берется за дело, но во время расследования возникает всё больше вопросов. Неужели сыщик впервые не сможет назвать имя убийцы? И по кому в этот раз звонит колокол?

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-147310-5

© Сэйерс Д., 1934
© Издательство АСТ, 1934

Содержание

Предисловие	6
I	8
Глава 1	9
Глава 2	22
II	39
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дороти Ли Сэйерс

Девять погребальных ударов

© The Trustees of Anthony Fleming (deceased), 1934

© Перевод. Е. Ильина, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Предисловие

Люди часто жалуются на шум, издаваемый церковными колоколами. Странно, что поколение, готовое терпеть рев двигателей внутреннего сгорания и завывание джаз-бэндов, столь чувствительно к громким звукам, прославляющим Господа. Англия – единственная в мире страна, которая довела до совершенства искусство звона в колокола при помощи веревки и колеса и ни за что не откажется от своего уникального наследия.

Должна попросить прощения у всех звонарей Англии за допущенные ошибки в рассказе об их древнем мастерстве. Фамилии людей, используемые в этом произведении, действительно популярны в Восточной Англии, однако все герои, места и организации, описанные в романе, вымышлены.

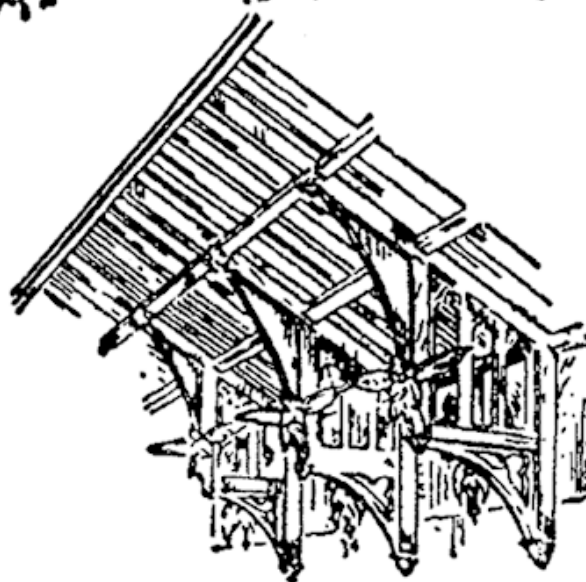
Отдельно хочу поблагодарить мистера В. Дж. Редхеда, любезно согласившегося нарисовать для меня величественную приходскую церковь Святого Павла с ее украшенным херувимами куполом.

Дороти Ли Сэйерс

Parish
Church of
Fenchurch
• St. Paul. •
with Detail
• of. Roof -

W. J. Redhead.
Architect

I

Отрывок из большого кентского трезвона

(В двух частях)

704

В конце каждой части

64352

23456

Колокол № 8 завершающий

Два умеренных удара, вперед, отклонить в сторону и вернуть назад.

Повторить один раз

Тройт

Глава 1

Колокола приходят в движение

Петля веревки колокола часто приводит в замешательство ученика звонаря. Она норовит ударить его по лицу, а иногда – и обвиться вокруг шеи (в этом случае веревка непременно задушит!).

Тройт. Искусство колокольного звона

– Проклятье! – воскликнул лорд Питер Уимзи.

Автомобиль ткнулся в глубокую канаву, и теперь его задние колеса беспомощно и нелепо торчали над дорогой. Со стороны это смотрелось так, словно он изо всех сил пытался зарыться в выросшем у обочины сугробе. Пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в бешеном кружении снежных хлопьев, Уимзи наконец понял, как все произошло. Узкий горбатый мост над дамбой, похожий на лишившегося глаз нищего, резко спускался на такую же невероятно узкую дорогу. Не стоило прибавлять скорость на этом вероломном мосту. Ослепленный злобной декабрьской вьюгой, его светлость промахнулся и угодил в глубокую канаву, и теперь свет фар выхватывал из мглы торчавшие из снега колючие ветви живой изгороди.

Повсюду расстилалась унылая, запорошенная снегом равнина. Часы давно уже пробили четыре. Сегодня, в канун Нового года, снег валил целый день, и теперь на фоне его ослепительной белизны серое небо казалось еще более мрачным и воинственным.

– Прошу прощения, – произнес Уимзи. – Как вы полагаете, Бантер, куда нас с вами занесло?

Верный камердинер включил электрический фонарик и сверился с картой.

– Полагаю, милорд, мы свернули с основной дороги на Лимхолт. И если я не ошибаюсь, сейчас мы находимся недалеко от церкви Святого Павла.

Едва эти слова сорвались с его языка, как ветер принес издалека приглушенные пургой удары церковного колокола. Четверть пятого.

– Слава богу! – воскликнул Уимзи. – Где церковь, там и цивилизация. До нее нам придется добираться пешком. Багаж оставим в машине. Потом можно будет кого-нибудь за ним прислать. Брр! Как холодно. Готов биться об заклад, что Чарльз Кингсли¹ наверняка прятался от сильного северо-восточного ветра, сидя возле горящего камина и наслаждаясь свежими кексами. Я бы и сам не отказался сейчас от такого угощения. Если я когда-нибудь еще и выберусь в эти места, то только в разгар лета. Или же предпочту машине поезд. По-моему, церковь расположена с наветренной стороны. Да, точно.

Поплотнее запахнув полы пальто, путники подставили лица ветру и снегу. Слева от них тянулась темная река – настолько прямая, словно природа воспользовалась для ее создания линейкой. Крутые берега спускались к медленно и неумолимо убегающему вдаль руслу. Справа виднелись зазубренные края осыпавшейся изгороди, а также растущие небольшими группками тополя и ивы. На протяжении целой мили путники шли в полном молчании, морщась от снега. Вскоре на противоположном берегу реки показались мрачные очертания ветряной мельницы с темными окнами. Моста не было.

Пройдя еще полмили, наши путешественники наткнулись на указатель, возле которого дорога разветвлялась. Единственная надпись на указателе гласила: «Церковь Святого Павла». Других указателей не было, а главная дорога, находившаяся рядом с дамбой, тянулась вдаль и терялась в предвечерней мгле.

¹ Чарльз Кингсли (1819–1875) – английский писатель и проповедник. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Церковь так церковь, – произнес Уимзи, сворачивая направо в тот момент, когда церковный колокол зазвонил снова, но уже более громко. – Без четверти пять.

Еще через несколько сотен ярдов в этой обледенелой пустыне наконец-то возникли первые признаки жизни. Слева – крыши фермы, расположившейся на расстоянии от дороги, а справа – небольшое квадратное здание, похожее на кирпичную коробку, вывеска которого, с оглушительным скрипом раскачивающаяся на ветру, возвещала о том, что перед путниками местный паб «Сноп пшеницы». У крыльца стоял маленький старый автомобиль, а из-под красных ставен на окнах первого этажа пробивался свет.

Уимзи поднялся на крыльцо и тронул дверь. Она была не заперта.

– Есть кто-нибудь? – крикнул он.

Из глубины помещения появилась женщина средних лет.

– Мы еще не открылись! – резко бросила она.

– Прошу прощения, но с нашим автомобилем случилась беда. Не могли бы вы подсказать нам...

– Простите, сэр. Я уж подумала, это кто-то из наших завсегдатаев. Машина сломалась? Ай как скверно! Прошу вас, входите. Только вот у нас тут такой беспорядок...

– Что стряслось, миссис Теббат? – раздался мягкий мужской голос, и, проследовав за хозяйкой в небольшую гостиную, лорд Питер увидел пожилого священника.

– Автомобиль джентльменов попал в аварию.

– Ох ты господи! – всплеснул руками священник. – Что за ужасный день! Могу я чем-нибудь помочь?

Уимзи пояснил, что машина увязла в канаве, поэтому потребуются веревки и буксир.

– Ох-ох-ох, – покачал головой священник. – Полагаю, это случилось у Фрогс-Бриджа? Опасное место. Особенно в темноте. Посмотрим, что можно сделать. Позвольте подвезти вас до деревни.

– Спасибо. Это очень любезно, сэр.

– Что вы, что вы. Не стоит благодарности. Я как раз собирался выпить чаю, и, думаю, вам тоже не помешает согреться. Надеюсь, вы не слишком торопитесь. Мы будем рады приютить вас на ночь.

Уимзи сердечно поблагодарил пожилого священника, заметив, что не хочет злоупотреблять гостеприимством.

– Ну что вы, мне это доставит удовольствие, – учтиво произнес тот. – Мы с женой живем уединенно и, уверяю вас, будем рады провести некоторое время в вашем обществе.

– В таком случае... – начал Уимзи.

– Отлично, отлично!

– Я действительно вам благодарен. Даже если бы мы сумели вытащить мою машину уже сегодня, боюсь, передняя ось погнулась. И тогда потребует помощь кузнеца. Но, вероятно, мы могли бы разместиться в гостинице или где-нибудь еще. Мне неловко...

– Уважаемый сэр, даже и не думайте, хотя миссис Теббат была бы рада взять вас под свое крыло и устроить с комфортом... с настоящим комфортом. Только вот ее супруг слег с сильной простудой – неприятно это говорить, но у нас тут настоящая эпидемия, – так что вам было бы не очень удобно. Не так ли, миссис Теббат?

– Да, видите ли, сэр, не знаю, как бы мы все здесь устроились в сложившихся обстоятельствах, а в «Красной корове» всего одна комната...

– Нет-нет, – поспешно возразил святой отец. – Только не в «Красную корову». У миссис Доннингтон уже есть постояльцы. В любом случае отказа я не приму. Вы непременно должны посетить мой дом. У нас много места. Кстати, меня зовут Венаблз. Мне стоило представиться чуть раньше. Я, как вы уже поняли, священник местного прихода.

– Это действительно весьма великодушно с вашей стороны, мистер Венаблз. Мы с удовольствием примем ваше приглашение, если действительно не причиним вам неудобств. Меня зовут Уимзи. Вот моя визитная карточка. А это мой камердинер Бантер.

Святой отец высвободил очки, запутавшиеся в веревке, на которой висели, неуклюже водрузил их на свой длинный нос и принялся изучать карточку его светлости.

– Лорд Питер Уимзи. Так-так... Бог мой! Это имя мне знакомо. Но я слышал его вовсе не в связи... Вспомнил! Ну конечно! «Руководство по поиску инкунабул»². Очень грамотно написанная монография, если можно так назвать это произведение. Да-да. Господи! Как приятно будет обменяться впечатлениями с еще одним коллекционером книг. Моя библиотека не слишком обширна, но в ней имеется издание «Евангелия от Никодима», которое может вас заинтересовать. Ну надо же! Как же чудесно, что мы с вами встретились. Господи помилуй, уже пять часов. Нам пора идти, иначе моя жена рассердится. Хорошего вам вечера, миссис Теббат. Надеюсь, завтра вашему мужу станет лучше. Да что там, я просто уверен, что он уже пошел на поправку.

– Благодарю вас, сэ.р. Том всегда рад вас видеть. Общение с вами ему на пользу.

– Передайте ему: пусть не падает духом. Ужасно, что его подкосила болезнь. Но худшее уже позади. Как только у него появится аппетит, я непременно пришлю бутылочку портвейна. «Холдсворт» восьмого года, – добавил святой отец, а потом вполголоса обратился к Уимзи: – Ему точно не повредит. Да. Господи! Право, нам пора идти. Машина моя, конечно, слова доброго не стоит. Но места в ней гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд. Сколько людей в нее уместилось после празднования крестин! Вы помните, миссис Теббат? Прошу вас, садитесь вперед рядом со мной, лорд Питер. А ваш камердинер и... О господи! А где же ваш багаж? Ах да... Остался на Фрогс-Бридже. Я пошлю за ним своего садовника. Он будет в полной сохранности. Жители нашей округи чужого не возьмут. Верно, миссис Теббат? Ну что ж, прекрасно. Вы непременно должны закутать ноги. Да-да, я настаиваю. Нет, что вы, я заведу мотор сам. Прекрасно с этим справляюсь. Вот видите! Пару движений рукояткой, и автомобиль оживает, точно колокол в руках звонаря. Как вы там, сзади? Хорошего вам вечера, миссис Теббат!

Древний автомобиль, вздрагивая всем своим существом, двинулся по прямой узкой дороге. Он миновал дом, и вдруг справа от дороги сквозь пелену снегопада проступили серые очертания огромного здания.

– Святые небеса! – воскликнул Уимзи. – Это и есть ваша церковь?

– Она самая, – горделиво кивнул священник. – Впечатляет, верно?

– Очень! – ответил Уимзи. – Это не просто церковь, а самый настоящий собор. Насколько велик ваш приход?

– Вы будете удивлены, – улыбнулся священник. – Триста сорок душ. Поразительно, правда? Впрочем, в наших краях это обычное дело. Восточная Англия славится размером и великолепием своих приходских церквей. И все мы тешим себя мыслью, что наш приход поистине уникален. Он возник на месте аббатства. В прежние времена церкви Святого Павла отводилась весьма важная роль. Как думаете, какова высота колокольни?

Уимзи взглянул на темный силуэт:

– Трудно определить в сгущающихся сумерках, но уж точно не менее ста тридцати футов.

– Почти угадали. Сто двадцать восемь. Однако из-за относительно низкой крыши над хорами кажется, будто она выше. Не многие храмы могут потягаться с нами: разве что церковь Святого Петра Манкрофта, но она расположена в городе. Ну и еще церковь Святого Михаила. Ее высота – сто тридцать футов без шпиля. И все же ни один из этих храмов не сравнится с нашим по красоте пропорций. Вы и сами сможете это увидеть, когда мы свернем за угол. Ну

² Инкунабулы – первопечатные книги, изготовленные с помощью наборных форм до 1501 г.

вот. Здесь я всегда давя на клаксон. Стена погоста и деревья закрывают дорогу и делают ее опасной для прохожих. Порой мне кажется, что нам нужно чуть перенести кладбищенскую стену для удобства прихожан. Ага! Вот теперь у вас появилось представление о нашей церкви. Боковой неф и верхний ряд окон, освещающих хоры, выглядят очень изящными, не правда ли? Вы сможете рассмотреть их получше при дневном свете. А вон там, напротив церкви, мой дом. Перед воротами я тоже давя на клаксон, чтобы предупредить находящихся поблизости людей. Ведь из-за кустов дороги почти не видно. Ну вот мы и добрались. Уверен, вы будете рады оказаться в тепле и выпить чашечку чая или чего-нибудь покрепче. Я всегда сигналю возле дверей дома, чтобы сообщить жене о своем приезде. Она нервничает, когда я возвращаюсь после наступления темноты. Канавы и дренажные рвы делают дороги очень ненадежными, да и я уже немолод. Боюсь, мы все же запоздали. Ага! Вот и моя жена. Агнес, дорогая, прости, что припозднился. Зато я привез с собой гостя. У него сломался автомобиль, так что он переночует у нас. Плед! Позвольте я заберу его у вас! Боюсь, сиденья в моей машине немного *res angusta*³. Прошу вас, осторожнее, а не то ударитесь головой. Уф! Слава богу. Все хорошо. Моя дорогая, позволь представить тебе лорда Питера Уимзи.

Пухленькая, излучающая спокойствие миссис Венаблз, стоявшая на крыльце в круге света, восприняла вторжение незваного гостя с невозмутимым выражением лица.

– Как удачно, что вы повстречались с моим супругом. Машина сломалась? Надеюсь, сами вы целы. Я всегда говорила, что наши дороги в это время года – гиблое место.

– Благодарю вас, – произнес Уимзи. – Со мной все в порядке. Мы так нелепо слетели с дороги. Насколько я понял, это место называется Фрогс-Бридж.

– А... Знаю, знаю. Просто счастье, что вы не свалились в Тридцатифутовую дамбу. Прошу вас, проходите и погрейтесь у камина. Ваш слуга? Ну да, конечно. Эмили, отведи камердинера этого джентльмена на кухню и устрой как можно удобнее.

– Да, и скажи Хинкинсу, чтобы взял машину и съездил на Фрогс-Бридж за багажом, – добавил святой отец. – Он в автомобиле лорда Питера. Пусть едет не мешкая, пока не ухудшилась погода. И нужно послать кого-нибудь к Уайлдерспину. Машину необходимо вытащить из кювета.

– Думаю, это может подождать до утра, – заметил Уимзи.

– И то верно. Позаботимся об этом, как только рассветет. Уайлдерспин – местный кузнец. Отличный мастер, и сделает все как нужно. Господи! Проходите же, проходите. Нам всем просто необходимо выпить по чашке чаю. Агнес, дорогая, ты объяснила Эмили, что лорд Питер останется на ночь?

– Все будет в порядке, – успокоила мужа миссис Венаблз. – Надеюсь, Теодор, ты не подхватил простуду?

– Нет-нет, дорогая. Я основательно закутался. Господи! Что я вижу? Кексы?

– Просто мечтал отведать свежей выпечки, – улыбнулся Уимзи.

– Присаживайтесь, присаживайтесь. И угощайтесь. Вы наверняка ужасно проголодались. Нечасто выдаются такие ненастные дни. Может, вы предпочитаете чаю виски с содовой?

– Лучше чай, – ответил Уимзи. – Кексы выглядят невероятно аппетитно. Я действительно вам благодарен за то, что предоставили нам кров, миссис Венаблз.

– Всегда рада помочь, – тепло улыбнувшись, ответила та. – По-моему, нет ничего ужаснее наших заболоченных дорог зимой. Вам еще повезло, что авария случилась недалеко от деревни.

– Что верно, то верно. – Уимзи с благодарностью оглядел уютную гостиную с ее маленькими столиками, украшенными причудливым орнаментом, излучающим тепло камином, скрытым за строгой бархатной ширмой, и серебряным чайником, подмигивавшим гостю с полиро-

³ Самый узкий (*лат.*).

ванного подноса. – Я чувствую себя Одиссеем, вернувшимся в тихую гавань после странствия по бушующему морю. – И он вонзил зубы в большой сдобный кекс.

– Судя по всему, Тому Теббату сегодня гораздо лучше, – заметил священник. – Хотя обидно, что он слег именно сейчас. И все же мы должны быть благодарны Господу за то, что ему не стало хуже. Остается лишь надеяться, что больше ни с кем не приключится несчастья. Думаю, у юного Пратта все получится. Сегодня утром он справился с двумя долгими перезвонами без единой ошибки. К тому же он весьма способный ученик. Кстати, нам, наверное, следует предупредить нашего гостя...

– Обязательно, – кивнула миссис Венаблз. – Мой муж пригласил вас на ночлег, но мы просто обязаны предупредить вас, что в непосредственной близости от церкви долго поспать вам не удастся. Хотя, возможно, колокольный звон вам не помешает.

– Совсем не помешает, – заверил Уимзи.

– Мой муж обладает незаурядным талантом звонаря. К тому же сегодня канун Нового года...

Святой отец, редко позволявший кому-либо договорить, с энтузиазмом подхватил:

– Сегодня, вернее, завтра утром мы собираемся показать верх своего мастерства. Наме-реваемся таким образом встретить Новый год. Кстати, вы наверняка не знаете, что в нашей церкви собраны одни из лучших колоколов в стране?

– В самом деле? – произнес Уимзи. – Кажется, я что-то слышал об этом.

– Возможно, где-то и есть более тяжелые колокола, но наши отличаются исключительным благозвучием. Номер семь – наиболее выдающийся и древний. Тенор тоже хорош, как и Джон с Иерихоном. Впрочем, все наши колокола невероятно мелодичны и звучны. Это даже упомянуто в старом девизе аббатства.

– Сколько же на вашей звоннице колоколов? Восемь?

– Да. Если вам интересно, я покажу одну чудесную маленькую книгу, написанную моим предшественником. В ней изложена история всех восьми колоколов. Например, наш тенор Тейлор Пол был отлит в поле в тысяча шестьсот четырнадцатом году. Там до сих пор сохранилось углубление в земле. А само поле так и называется – Колокол-поле.

– А звонари у вас хорошие? – вежливо поинтересовался Уимзи.

– Отличные, преисполненные энтузиазма люди. Это напомнило мне о том, что сегодня ночью мы собираемся исполнить Большой Кентский трезвон, состоящий из пятнадцати тысяч восьмисот сорока ударов. Ни больше ни меньше. Что вы об этом думаете? Неплохо, да?

– Господи! – всплеснул руками Уимзи. – Пятнадцать тысяч...

– Восемьсот сорок, – закончил священник.

Уимзи быстро сделал кое-какие расчеты.

– Вам потребуется на это немало времени.

– Девять часов, – кивнул святой отец с довольной улыбкой.

– Просто отлично, сэр. Это схоже с представлением лондонского клуба звонарей, имевшим место в тысяча восемьсот каком-то там году.

– В тысяча восемьсот шестьдесят восьмом, – уточнил священник. – Мы собираемся последовать этому примеру. И получится у нас не хуже, хотя в перезвоне будут участвовать только восемь звонарей. Мы надеялись задействовать двенадцать, но, к сожалению, четверых наших лучших людей сразила эпидемия гриппа. Мы хотели попросить помощи у церкви Святого Стефана: у них тоже прекрасные колокола, хотя и не чета нашим, – однако их звонари не обучены искусству трезвона и умеют исполнять лишь простые перезвоны на семи колоколах.

Покачав головой, Уимзи взял с тарелки четвертый кекс.

– Что ж, это тоже достойно похвалы, – торжественно произнес он, – но нельзя добиться определенного звучания...

– Вот и я о том же! – с воодушевлением воскликнул святой отец. – Невозможно добиться идеального звучания, если тенора почти не слышно. И даже метод Фабиана Стедмана⁴ не поможет. Хотя и его мы исполняем, причем весьма неплохо. Но все же по богатству, разнообразию и благозвучию оттенков ничто не сравнится с перезвоном в восемь колоколов.

– Вы совершенно правы, сэр, – согласился Уимзи.

– И никогда его не превзойти, – добавил мистер Венаблз, счастливо возведя глаза к небу и взмахнув кексом так, что масло потекло по его рукаву. – Взять, например, перезвон, исполняемый нечетным количеством колоколов. Что вместе, что поодиночке, они звучат слишком монотонно. И это кажется мне огромным недостатком. А уж когда тройные удары сменяются...

Рассуждения святого отца о видах перезвонов прервала появившаяся в дверях Эмили, выражение лица которой не предвещало ничего хорошего.

– Прошу прощения, сэр, – произнесла она. – Не могли бы вы принять Джеймса Тодея?

– Джеймса Тодея? – переспросил святой отец. – Да-да, конечно. Пригласи его в кабинет, Эмили. Я подойду через минуту.

Хозяин дома отсутствовал совсем недолго. А когда вернулся, лицо его было неестественно вытянутым и утратило былое воодушевление. Он упал в кресло с видом глубоко разочарованного человека.

– Стучилось непоправимое, – драматично выдохнул он. – Настоящее несчастье!

– Господи, Теодор! Объясни нам, что произошло.

– Уильям Тодей! Бедняга! Ну почему, почему это произошло именно сегодня? Я не должен думать о себе, но это просто не поддается описанию. Я раздавлен. Поистине раздавлен.

– Господи! Что случилось с Тодеем?

– Заболел. Слег с этим проклятым гриппом. Он совершенно без сил и даже бредит. Родные послали за доктором Бейнзом.

– Ай-я-яй, – сокрушенно покачала головой миссис Венаблз.

– Насколько я понял, – продолжил священник, – он уже утром чувствовал себя неважно, но настоял – весьма неблагоразумно, надо заметить, – на том, чтобы поехать по делам в Уолбич. Глупый, глупый. То-то он мне показался каким-то вялым, когда мы встречались с ним вчера вечером. К счастью, в городе он встретился с Джорджем Эштоном. Тот увидел, насколько он плох, и помог ему добраться до дома. Бедняга Тодей еще и ужасно замерз в дороге. Он едва добрался до кровати, а сейчас страдает от лихорадки и страшно переживает из-за того, что не сможет прийти сегодня вечером в церковь. Я попросил его брата успокоить беднягу, только боюсь, сделать это будет непросто. Тодей был полон энтузиазма, и теперь мысль, что он слег в самый ответственный момент, не дает ему покоя.

– Очень жаль, – с сочувствием произнесла миссис Венаблз. – Надеюсь, доктор Бейнз даст ему какое-нибудь лекарство.

– Я тоже искренне на это надеюсь. Все это, конечно, ужасно. Но еще ужаснее то, что он принял свою болезнь так близко к сердцу. Что ж, ничего не поделаешь. Мы лишились последней надежды. И теперь придется ограничиться малым перезвоном⁵.

– Значит, этот бедняга – один из ваших звонарей, святой отец?

– К сожалению. И его никто не сумеет заменить. Придется забыть о грандиозных планах. Даже я, если я сам возьмусь за веревку, то не смогу звонить все девять часов. Я уже немолод, к тому же в восемь часов мне нужно служить заутреню. Да и после новогодней службы я освобожусь не раньше полуночи. Ладно. Человек предполагает, а Бог располагает. Если только... – Венаблз внезапно развернулся и внимательно посмотрел на своего гостя. – Вы сейчас с таким чувством говорили про перезвон, что у меня возник вопрос. Вы, случайно, не звонарь?

⁴ Фабиан Стедман (1640–1713) – один из основоположников кампанологии, учения о колоколах.

⁵ Перезвон в шесть колоколов.

– Ну, – протянул Уимзи, – когда-то я весьма сносно управлялся с веревкой, но не утратил ли навык теперь...

– И в три приема тоже умеете звонить?

– Естественно. Однако с тех пор прошло так много времени...

– Вы быстро все вспомните! – горячо воскликнул святой отец. – Непременно вспомните. Стоит лишь полчаса поупражняться с веревкой...

– О господи! – вздохнула миссис Венаблз.

– Ну разве это не чудесно? – продолжил святой отец. – Самая настоящая удача! Господь послал нам гостя. Да не простого, а самого настоящего звонаря! – Он вызвал служанку. – Пусть Хинкинс немедленно идет сюда и приведет с собой остальных звонарей. Нам необходимо попрактиковаться на колокольчиках. Дорогая, боюсь, нам придется занять столовую, если не возражаешь. Эмили, передай Хинкинсу, что у нас тут джентльмен, который заменит заболевшего Уильяма Тодея, и я желаю немедленно видеть его самого...

– Подожди-ка, Эмили. Теодор, ты считаешь, справедливо просить нашего гостя, пережившего аварию и уставшего после напряженного дня, звонить в колокола с полуночи до девяти утра? Мы можем попросить его исполнить лишь короткий отрывок, да и то если он не возражает. Но даже в этом случае не кажется ли тебе, что мы слишком беззастенчиво пользуемся его добротой?

Уголки губ святого отца опустились вниз, точно у обиженного ребенка, и Уимзи поспешно произнес:

– Ну что вы, миссис Венаблз. Ничто не доставит мне большего удовольствия, чем время, проведенное на колокольне с веревкой в руках. Я готов звонить целый день и всю ночь, поскольку совершенно не устал и не нуждаюсь в отдыхе. Но вот способен ли я звонить несколько часов подряд, не сделав ни одной глупой ошибки? Это единственное, что меня тревожит.

– У вас все получится! – заверил гостя святой отец. – Хотя моя жена права. Я поступил необдуманно. Девять часов – слишком много. Пожалуй, нам действительно придется ограничиться пятью тысячами чередований...

– Нет-нет, не беспокойтесь, – перебил Уимзи. – Девять часов, не меньше. Я настаиваю. Хотя, вероятно, когда вы услышите мои слабые попытки, от идеи придется отказаться.

– Глупости! – заявил святой отец. – Эмили, передай Хинкинсу, чтобы собрал звонарей у меня дома к половине седьмого. Уверен, доберутся все, кроме Пратта, который живет в Тапперс-Энде. Но в таком случае место восьмого звонаря займу я. Боже мой, как же замечательно! Нет, я просто не могу поверить в то, что ваше появление здесь – простая случайность. Это лишний раз доказывает, что Господь никогда не оставляет детей своих в их стремлениях, если те не греховны. Надеюсь, лорд Питер, вы не будете против, если я упомяну об этом во время проповеди? Ничего грандиозного, просто несколько мыслей в канун Нового года. Могу я поинтересоваться, где вы обычно звоните в колокола?

– Теперь уже нигде, а в юности звонил в поместье герцога Денвера. Но иногда, приезжая домой на Рождество, нет-нет да и возьму в руки веревку.

– В поместье герцога Денвера? Знаю, знаю. Церковь Святого Иоанна. Хотя и небольшая, но очень красивая. Надеюсь, вы все же признаете, что наши колокола лучше. А сейчас прошу меня извинить. Мне нужно пойти в столовую и подготовить ее к репетиции.

И святой отец удалился.

– С вашей стороны очень любезно поддержать увлечение моего мужа, – произнесла миссис Венаблз. – Он так долго готовился к этому торжеству и не раз испытывал разочарование. Однако мне не по себе оттого, что мы предложили вам ночлег, а потом нагроулили тяжелой работой на всю ночь.

Однако Уимзи снова заверил хозяйку дома, что эта тяжелая работа доставит ему удовольствие.

– И все же я настаиваю, чтобы вы отдохнули хотя бы несколько часов, – сказал миссис Венаблз. – Не хотите ли подняться наверх и взглянуть на свою комнату? Ужин в половине восьмого, если, конечно, мой муж отпустит вас к тому времени, а после вам не помешает немного вздремнуть. Вот мы и пришли. О, я вижу, ваш камердинер все подготовил.

– Что ж, Бантер, – произнес его светлость, когда миссис Венаблз ушла, чтобы дать гостю возможность привести себя в порядок в тусклом свете небольшой масляной лампы и мерцающей свечи. – Кровать, по-моему, удобная. Только вот поспать в ней мне не суждено.

– Я уже понял это из разговора со служанкой, милорд.

– Жаль, что вы не сможете отправиться на колокольню вместо меня, Бантер.

– Смею заверить вас, милорд, я впервые в жизни жалею о том, что в свое время не обучился искусству колокольного звона.

– А мне всегда доставляет огромное удовольствие узнавать, что вы чего-то не умеете. Кстати, вы когда-нибудь пробовали звонить?

– Только один раз, милорд, и чудом избежал гибели. Ввиду отсутствия должной сноровки я едва не повесился на веревке.

– Довольно о виселицах! Мы ничего не расследуем, и мне не хочется говорить о смерти.

– Разумеется, милорд. Желает ли ваша светлость побриться?

– Да. Встречу Новый год с гладко выбритым лицом.

– Очень хорошо, милорд.

Ополоснувшись и побрившись, лорд Питер спустился в столовую и обнаружил, что стол отодвинут к стене, а стулья расставлены полукругом в центре комнаты. Семь стульев занимали мужчины разного возраста, начиная от похожего на гнома старика с длинной бородой и заканчивая пунцовым от смущения юношей с напыленным чубом. Стоя посреди столовой, святой отец говорил без умолку, напоминая читающего заклинания доброго волшебника.

– А, вот и вы! Великолепно! Прекрасно! Итак, друзья, представляю вам лорда Питера Уимзи, которого Провидение прислало нам в помощь. Он рассказал мне, что давно не практиковался, поэтому вы наверняка согласитесь помочь ему восстановить навыки и освежить память. А теперь, лорд Питер, я представлю вам наших звонарей. Это Эзекайя Лавендер, звонивший в тенор на протяжении шестидесяти лет и намеревающийся звонить еще лет двадцать, верно Эзекайя?

Невысокий скрюченный старичок одарил лорда Питера беззубой улыбкой и протянул ему морщинистую руку.

– Рад знакомству, милорд. Да, я приводил в движение старину Тейлора Пола множество раз. Мы с ним давние друзья, и я буду звонить в него до тех пор, пока он сам не прозвонит по мне девять погребальных ударов⁶.

– Надеюсь, вы еще не скоро с ним расстанетесь, мистер Лавендер.

– Эзра Уайлдерспин, – продолжил священник. – Он самый крупный из нас, но звонит в самый маленький колокол. Так часто бывает, верно? Кстати, он наш кузнец и пообещал утром починить вашу машину.

Кузнец застенчиво рассмеялся, стреб пальцы Уимзи своей огромной ладонью, а потом в смущении опустил на стул.

– Джек Годфри, – произнес святой отец. – Номер семь. Как дела у Бетти Томаса, Джек?

– Благодарю вас, сэр, отлично, ведь совсем недавно мы приладили к нему новую ось.

⁶ Если умирает мужчина, в колокол звонят девять раз.

– Джеку выпала честь управлять самым старым из наших колоколов, – объяснил Венаблз. – Бетти Томас был отлит в тысяча триста тридцать восьмом году Томасом Белльэтером из Линна, но получил свое имя в честь аббата Томаса, отлившего его заново в тысяча триста восьмидесятом году. Верно, Джек?

– Да, сэр, – кивнул Годфри. – Тут нужно заметить, что в Англии все колокола, как и корабли, исключительно женского рода, независимо от того, какие имена носят.

– Мистер Доннингтон, хозяин «Красной коровы», также является церковным старостой. – Святой отец подтолкнул вперед высокого худощавого мужчину, глаза которого немного косили. – Мне следовало представить его в первую очередь, ведь он занимает ответственную должность. Но, видите ли, несмотря на то что он личность в наших краях довольно известная, его колокол не такой древний, как Тейлор Пол или Бетти Томас. Наш староста приводит в движение номер шесть. Мы называем его Димити. У него относительно новая форма, а вот металл старый.

– Более сладкоголосого колокола в нашей церкви нет, – решительно заявил мистер Доннингтон. – Рад с вами познакомиться, милорд.

– Джо Хинкинс, мой садовник. По-моему, вы с ним уже встречались. Он несет ответственность за номер пять. Номер четыре – Гарри Гоутубед⁷, наш церковный сторож и по совместительству могильщик. Имя у него тоже подходящее. Самый молодой из нас – Уолтер Пратт. Он звонит в номер три и, надо сказать, недурно с этим справляется. Я рад, что ты смог добраться вовремя, Уолтер. И что все мы собрались. Вы, лорд Питер, займете место бедняги Уильяма Тодея. Ваш колокол – номер два. Он и номер пятый были перелиты заново одновременно с Димити – в год юбилея нашей старой королевы. Его имя Саваоф. А теперь за работу. Вот вам колокольчик. Садитесь рядом с Уолтером Праттом. Наш старый добрый друг Эзекайя будет задавать тон и споет так же громко и чисто, как и его колокол. Ведь у него за плечами семьдесят пять лет. Верно, дедушка?

– Да, это я могу! – весело выкрикнул старик. – А теперь, ребятки, если вы готовы, сыграем небольшой отрывок из девяносто шестого чередования, чтобы наш новичок немного вошел в ритм. Не забудьте, милорд, что вы вступаете с тройного удара, потом затихаете и после этого вступаете снова.

– Верно, – кивнул Уимзи, – а затем чередую удары на счет «три» и «четыре».

– Именно, милорд. Три рывка веревки вперед и один назад, чтобы вас сопровождали отзвуки предыдущих ударов.

– Начинайте отсчет.

Старик кивнул и добавил:

– А ты, Уолли Пратт, поглядывай по сторонам и не забывай, что вступаешь третьим номером. Я уже не раз напоминал тебе об этом. Ну а теперь, парни, начинаем!

Искусство колокольного звона является своего рода национальным достоянием англичан. И как другие особенности жителей Туманного Альбиона, это искусство кажется странным и непостижимым остальному миру. Например, музыкант-бельгиец наверняка скажет вам, что правильнее всего будет сыграть на колоколах определенную мелодию, однако звонарь-англичанин сочтет игру по нотам детским развлечением, годным лишь для иностранцев. Ведь в англиканской церкви колокола звонят в соответствии с определенным математическим порядком и следуют четкой схеме, сменяя друг друга. Когда звонарь-англичанин говорит о пении своих колоколов, то подразумевает не музыку в общепринятом смысле этого слова. Для обычного человека звон колоколов представляет собой монотонное гудение, раздражающее слух, терпеть которое можно, лишь отойдя на приличное расстояние, однако профессиональный звонарь

⁷ От *англ.* go to bed – иди спать.

тотчас распознает не только метод управления колоколами, но и комбинацию, в соответствии с которой отбивается ритм. Только он знает: когда используется чередование 7, 5, 6, или 5, 6, 7, или 5, 7, 6, звуки получаются мягче и мелодичнее. Его тонкий слух непременно отличит, как именно переключаются колокола – последовательно или каскадом. Он твердо уверен, что лишь при английском способе управления колоколами с помощью веревки и колеса колокол может воспроизвести наиболее насыщенный и благородный звук. Профессиональный звонарь находит удовлетворение своей страсти – поскольку действительно отдается своему ремеслу со всем энтузиазмом, на какой только способен, – в совокупности математической завершенности и механического совершенства. И когда колокол начинает ритмично раскачиваться из стороны в сторону, звонарь испытывает ни с чем не сравнимое торжественное упоение, порожденное безупречным и замысловатым музыкальным рисунком.

Стороннему наблюдателю, случайно заглянувшему в столовую, сосредоточенные лица восьми человек показались бы странными и даже смешными. Представьте картину: напряженные позы сидящих на краешках стульев мужчин и восемь поднятых вверх правых рук с зажатыми в них колокольчиками, ритмично поднимающихся и опускающихся в такт определенному ритму, – однако для присутствующих все это действие чрезвычайно серьезно и важно – не менее важно и серьезно, нежели переговоры с австралийской делегацией в палате лордов.

Мистер Эзекайя Лавендер трижды успешно сменил порядок звона, и остальные звонари безошибочно повторили свои партии.

– Прекрасно, – произнес святой отец. – Ни единого промаха.

– Да, пожалуй, – согласился Уимзи.

– У нашего гостя неплохо получается, – заметил мистер Лавендер. – Ну-ка, парни, еще разок. Что сыграем?

– А давайте семьсот четвертое чередование, – предложил святой отец, сверившись с часами. – Два умеренных удара, вперед, отклонить в сторону, вернуть назад и повторить еще раз.

– Как скажете, сэр. А ты, Уолли Пратт, внимательно прислушивайся к ритму и следи за направлением своего колокола. Да не тараси глаза по сторонам, а не то всех нас запутаешь.

Несчастный Пратт вытер лоб, убрал ноги под стул и крепче сжал колокольчик. То ли от волнения, то ли по какой-то еще причине, он никак не мог вступить в нужный момент, постоянно сбиваясь с ритма, сбивая соседей и отчаянно потея.

– А ну-ка встань! – недовольно скомандовал мистер Лавендер. – Если ты и дальше собираешься так относиться к делу, то нам лучше вообще закончить репетицию. Неужели ты до сих пор не запомнил очередность ударов?

– Ну-ну, не стоит так унывать, Уолли. Попробуй снова. Ты забыл пропустить двойной удар на счете «семь» и «восемь», верно?

– Да, сэр.

– Забыл! – воскликнул мистер Лавендер, помахивая бородой. – Бери пример с его светлости. Он ничего не забыл, хотя давно не практиковался.

– Ну, хватит уже, Эзекайя! – прикрикнул на старика священник. – Не будь так строг с Уолли. Ведь у него, как и у любого из нас, нет такого огромного опыта, как у тебя.

Недовольно забормотав себе под нос, мистер Лавендер снова начал отрывок. На сей раз Уолли Пратт внимательно следил за движением своего колокола, вступал когда нужно и сыграл без единой ошибки.

– Вот! Все отлично справились! – воскликнул святой отец. – Полагаю, наш новобранец нас не посрамит. Как думаешь, Эзекайя?

– А ведь в одном месте я чуть не сбился с ритма, – со смехом заметил Уимзи. – А потом едва не пропустил свою очередь. Впрочем, чуть-чуть не считается.

– Вы прекрасно попевали за ритмом, милорд, – промолвил мистер Лавендер. – Что же касается тебя, Уолли Пратт...

– Думаю, – поспешно перебил старика святой отец, – нам нужно сходить в церковь. Пусть лорд Питер познакомится со своим колоколом. Вы все можете присоединиться к нам. Джек, проследи, чтобы лорду Питеру было удобно держать веревку. Джек Годффри наблюдает за тем, чтобы колокола и веревки были в порядке, – пояснил священник.

Мистер Годффри улыбнулся и заметил, окидывая взглядом Уимзи:

– Наверное, нам придется немного укоротить веревку. Его светлость не так высок, как Уильям Тодей.

– Не стоит беспокоиться, – возразил Уимзи. – Знаете старую поговорку: «Мал да удал».

– Конечно, конечно, – закивал святой отец. – Джек не хотел никого обидеть. Но Уильям Тодей действительно очень высокий. Куда я подевал свою шляпу? Агнес, дорогая! Агнес! Не могу найти свою шляпу. Ах вот она. И шарф... Очень тебе благодарен. А теперь позвольте я возьму ключи от колокольной... О господи! Куда я их опять засунул?

– Не извольте беспокоиться, сэр, – сказал мистер Годффри. – У меня с собой ключи от всех дверей.

– И от церкви тоже?

– Да. И от церкви, и от колокольной.

– Хорошо. Просто замечательно. Лорд Питер наверняка захочет подняться на колокольню. Знаете, лорд Питер, вид наших колоколов... Прошу прощения. Что такое, дорогая?

– Не забывай: скоро ужин, так что не задерживай лорда Питера.

– Нет-нет, дорогая, не забуду. Но нашему гостю действительно хочется взглянуть на колокола. Да и сама церковь достойна внимания. В ней находится интересная купель двенадцатого века. А крыша – достойный образец древней архитектуры. Да-да, дорогая, мы уже идем.

За дверью тускло мерцал в сумерках снег. Метель усилилась. Даже следы, оставленные звонарями менее часа назад, почти замело. Лорд Питер со своим провожатым миновали подъездную аллею и перешли через дорогу. Впереди темнели очертания величественной церкви. Мистер Годффри освещал путь допотопной масляной лампой. Процессия обогнула покойницкую и двинулась по дорожке, окаймленной могильными плитами, к южному входу. Тяжелая дверь отворилась с протяжным скрипом. В нос лорду Питеру ударил типичный церковный запах – смесь ароматов старого дерева, лака, пыли, трав, книг, парафиновых ламп, цветов и свечей. Помещение согревалось небольшими печками с тлеющими в них дровами. Тусклый свет лампы выхватил из тьмы цветочный орнамент на кафедре, часть каменной колонны, медную табличку на стене. Эхо шагов гулко разносилось над высокими хорами.

– Все здесь в процессе реставрации, – тихо промолвил святой отец, – кроме окна в дальнем конце северного нефа, которого отсюда не видно. От оригинального норманнского здания ничего не осталось, лишь купол над алтарем. Хотя если вы приглядитесь, то заметите, что черты норманнской архитектуры прослеживаются также в выступающих частях здания и перекрытиях. Как только станет светлее, вы поймете, о чем я говорю. О да, Джек Годффри совершенно прав, лорд Питер: мы не должны терять времени попусту. Я, как человек увлекающийся, частенько теряю счет времени.

Венаблз повел гостя в западную часть храма, а оттуда, в свете лампы мистера Годффри, вверх по винтовой лестнице, каменные ступени которой были изрядно истерты ногами бесчисленного количества давно почивших звонарей. Вскоре процессия остановилась. Раздался звон ключей, а потом лампа всколыхнулась, осветив узкую дверь справа от лестницы. Последовав за своими провожатыми, Уимзи оказался в небольшой комнатке – святая святых звонарей.

В комнатке этой не было ничего примечательного, разве что очень высокие потолки, что неудивительно при такой колокольной. Днем помещение прекрасно освещалось, поскольку в трех стенах имелись большие окна, а четвертую, незастекленную, защищала прочная железная

решетка – ведь комната звонарей располагалась прямо над хорами и залезть в нее не составило бы труда.

Пока Джек Годфри ставил обычную лампу на пол и зажигал парафиновую, висевшую на стене, Уимзи разглядел восемь свисающих сверху веревок. Их утолщенные нижние концы были аккуратно закреплены на вставленных в стены крюках, а верхние – таинственным образом терялись высоко под сводами колокольни. Свет становился все ярче, и теперь Уимзи мог разглядеть структуру и цвет стен, покрытых простой штукатуркой. Единственным украшением служил девиз, начертанный готическими буквами чуть ниже окон: «Они не обладают даром речи и не владеют языками, но их голоса слышны повсюду». Рядом располагались деревянные, медные и даже каменные таблички в память о достижениях местных звонарей.

– Думаю, после сегодняшнего представления здесь появится еще одна табличка, – раздался возле уха Уимзи голос священника.

– Остается лишь надеяться, что я никоим образом этому не помешаю, – произнес Уимзи. – Я вижу тут древние инструкции звонарей. «Следи за временем и не пропускай свою очередь, иначе непременно поплатишься. За каждую ошибку – кувшин пива». Здесь не говорится о размере кувшина, но само слово подразумевает, что порция отнюдь не маленькая. «Если твой колокол упадет, придется заплатить шесть пенсов». Не слишком высокая цена, учитывая последствия такого падения. Но, с другой стороны, если платить по шесть пенсов за каждое ругательство, то получится недешево. Как вы считаете, святой отец? Который из колоколов мой?

– Вот этот, милорд. – Джек Годфри отцепил веревку второго колокола, и она повисла почти до самого пола. – Когда вы раскачаете колокол, мы подгоним веревку под ваш рост. Или, может, хотите, чтобы вам помогли раскачать его?

– Нет, – запротестовал Уимзи. – Что это за звонарь, если не может раскачать собственный колокол.

Его светлость схватился за веревку и осторожно потянул вниз, одновременно подбирая левой рукой провисающий конец. И вскоре высоко на колокольне с тихой дрожью в голосе заговорил Саваоф, а за ним и его собратья, когда остальные звонари заняли свои места.

«Тин-тин-тин», – раздался серебристый напев Гауде.

«Тан-тан-тан», – отозвался Саваоф.

«Дин-дин-дин, дан-дан-дан», – подхватили Джон и Иерихон.

«Бим-бам-бим-бам», – не остались в долгу номер пятый и Димити.

«Бом», – вклинился Бетти Томас.

А Тейлор Пол величаво поднял свой огромный бронзовый язык, натянув веревку так, что заскрипело колесо, и могущественно проревел:

«Бо-бо-бо...»

Уимзи умело раскачал колокол и ударил в него. Теперь, когда веревку подогнали по его росту, священник предложил прозвонить несколько музыкальных фраз, чтобы лорд Питер в полной мере «почувствовал» свой колокол.

– Можете отпустить веревки, парни, – милостиво разрешил Эзекайя Лавендер, когда музыкальную фразу повторили несколько раз. – Не торопись вперед других, Уолли Пратт. Теперь послушайте меня. Постарайтесь не допустить ошибок. Вы все придете сюда ровно без четверти одиннадцать. Мы, как обычно, возвестим о начале службы и послушаем проповедь святого отца. Когда же он закончит, вы снова спокойно подниметесь сюда и займете свои места. Пока прихожане будут петь гимн, я отобью девять погребальных ударов по старому году, а затем вы возьметесь за веревки и будете дожидаться, когда часы пробьют полночь. Я скамандую: «Начали!» – и вы все должны пребывать в полной готовности. Святой отец обещал подняться на колокольню, чтобы время от времени давать отдых одному из нас, что весьма

любезно с его стороны. Я тебя отпускаю, Альф Доннингтон, если, конечно, ты не забудешь принести свое обычное.

– Ни за что не забуду, – ответил тот. – До встречи, парни.

Лампа осветила лестницу, и звонари последовали за ней.

– А теперь, – произнес священник, – вы, лорд Питер, наверняка захотите осмотреть... О господи! – всплеснул он руками, когда крутая винтовая лестница утонула в темноте. – Где, скажите на милость, Джек Годфри? Джек! Вероятно, он уже спустился вниз с остальными. Бедняга. Наверняка ему хочется поскорее вернуться домой к ужину. Однако нельзя быть таким эгоистичным. К сожалению, ключи от колокольни у него, так что попасть мы туда не сумеем. Впрочем, вы сможете взглянуть на нее завтра. Да, Джек, да, мы уже идем. Будьте осторожны. Ступени так вытерты, что недолго и оступиться. Ну вот мы и спустились. Целые и невредимые. Прекрасно! А теперь, прежде чем мы вернемся в дом, мне хотелось бы показать вам, лорд Питер...

В этот момент часы пробили три четверти восьмого.

– Господи помилуй! – ошеломленно воскликнул святой отец. – Мы опоздали на ужин! Моя жена... Знаете, можно подождать и до вечера. Если вы пожелаете посетить службу, то в полной мере оцените величие и красоту нашей церкви. В ее убранстве множество интереснейших деталей. Однако если на них не указать, вы, боюсь, их даже не заметите. Вот, например, купель... Джек! А ну-ка принеси нам лампу. Так вот. Есть в ней кое-что необычное, и я непременно покажу вам. Джек!

Однако Джек, внезапно утративший слух, звенел ключами на крыльце, и святой отец, тяжело вздохнув, вынужден был признать поражение.

– Похоже, я в очередной раз потерял счет времени, – произнес он, шагая по занесенной снегом дорожке.

– Наверное, – вежливо произнес Уимзи, – находясь в храме так долго, теряешь ощущение реальности.

– Вы совершенно правы, хотя в храме довольно много напоминаний о течении времени. Напомните мне завтра, чтобы я показал вам могилу Натаниеля Перкинса. Это наша местная знаменитость. Выдающийся спортсмен. Он не пропускал ни одного кулачного боя в округе и однажды судил бой самого Тома Сэйерса. А когда он умер... Ну, вот мы и дома. Я расскажу вам о Натаниеле Перкинсе позднее. Дорогая, вот мы наконец и вернулись! Не так уж сильно мы опоздали. Проходите, проходите. Вы непременно должны плотно поужинать, лорд Питер, чтобы вам хватило сил для нашего сегодняшнего представления. Так, что у нас тут? Тушеные бычьи хвосты? Восхитительно! Очень питательно. Надеюсь, лорд Питер, вы такое едите.

Глава 2

Колокола в деле

*Когда мы охвачены радостью, колокола радуются вместе с нами.
Когда же мы звоним по усопшему, в их голосах звучит скорбь.
«Правила звонарей» в Саутхилле, Bedfordshire*

После ужина миссис Венаблз решительно взяла бразды правления в свои руки и отправила лорда Питера в отведенную ему комнату, совершенно не обращая внимания на возражения супруга, беспомощно рыскавшего по пребывавшим в беспорядке полкам книжного шкафа в поисках «Истории колоколов церкви Святого Павла» преподобного Кристофера Вулкота.

– Не представляю, куда она подевалась, – сокрушался святой отец. – Какой же я все-таки несобранный. Но, возможно, вы захотите взглянуть на это – мой собственный скромный вклад в изучение колоколов и звонов. Я знаю, дорогая, знаю, мне не следует докучать лорду Питеру. Это не слишком любезно с моей стороны.

– Тебе тоже не помешает отдохнуть, Теодор.

– Да-да, дорогая. Одну минуточку. Я только...

В этот момент Уимзи понял, что единственный способ заставить Венаблза успокоиться – просто уйти прочь, что и сделал. На верхней ступеньке его уже встречал Бантер, который тотчас же уложил милорда под стеганое одеяло и сунул в изножье кровати бутылку с горячей водой.

В камине потрескивали поленья. Уимзи подвинул лампу поближе, взял в руки брошюру, которую дал ему святой отец, и принялся изучать титульную страницу.

ИССЛЕДОВАНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ КОЛОКОЛЬНОГО ЗВОНА, А ТАКЖЕ ИНСТРУКЦИЯ ПО УПРАВЛЕНИЮ КОЛОКОЛАМИ ИЗ РАЗНЫХ ПОЗИЦИЙ И С ПРИМЕНЕНИЕМ ВСЕХ ИЗВЕСТНЫХ МЕТОДИК

Составитель: Теодор Венаблз, магистр гуманитарных наук, священник церкви Святого Павла, преподаватель колледжа Гонвилл-энд-Киз Кембриджского университета, а также автор работ: «Колокольный звон в сельских церквях», «Пятьдесят отрывков из мелодий для нечетного количества колоколов», «Чествование Господа праздничным перезвоном» – и других.

МСМШ

В совокупности с недавно съеденными тушеными бычьими хвостами текст брошюры подействовал на Уимзи как снотворное. В комнате было так тепло, а день выдался таким насыщенным, что строчки поплыли у лорда Питера перед глазами. Он начал клевать носом, однако вскинул голову, когда в камине с треском подпрыгнул уголек, и снова попытался сосредоточиться на чтении:

«...если пятый колокол следует за седьмым, а седьмой за шестым, то они – ведущие, в то время как им предшествует перезвон второго, третьего и четвертого колоколов. Но если шестой и седьмой звонят вместе без участия пятого, то тогда...»

Голова лорда Питера снова опустилась на грудь, и на сей раз ничто не помешало ему погрузиться в сон.

Проснулся он от колокольного звона.

Мгновение его светлость никак не мог припомнить, где находится и что происходит, но потом откинул одеяло, сел на кровати, всклокоченный и пристыженный, под спокойным взглядом Бантера.

– О господи! Я заснул! Почему вы меня не разбудили? Они начали без меня.

– Миссис Венаблз распорядилась, чтобы вас не беспокоили до половины двенадцатого. А преподобный велел передать вам, милорд, что перед службой они ограничатся перезвоном в шесть колоколов.

– Который час?

– Почти одиннадцать, милорд.

Едва только эти слова сорвались с губ Бантера, перезвон начал стихать, и Джубили начал свой пятиминутный бой.

– Проклятье! – воскликнул Уимзи. – Так не годится. Мне непременно нужно попасть в церковь и послушать проповедь. Подайте мне щетку для волос. Снегопад не прекратился?

– Не только не прекратился, но и усилился, милорд.

Поспешно приведя себя в порядок, лорд Питер сбежал вниз по лестнице. Бантер, как и подобает преданному слуге, последовал за ним. Выйдя на улицу, они добрались до церкви в свете электрического фонарика Бантера и вошли внутрь в тот момент, когда под сводами раздались последние звуки органа. Хор и священник заняли свои места, и Уимзи, заморгав от ударившего ему в глаза желтоватого света, заметил в отдалении семерых звонарей, сидевших на поставленных в ряд стульях. Питер осторожно пробрался к ним, а Бантер, заранее выяснив, кто где сидит, прошел к скамье в северном нефе и уселся рядом с Эмили. Старый Эзекайя Лавендер поприветствовал Уимзи надтреснутым смехом, а потом протянул ему молитвенник и опустил на колени.

– Возлюбленные мои братья...

Уимзи поднялся с колен и огляделся. Охваченный благоговейным трепетом, он вдруг ощутил себя маленьким и незначительным в этом величественном помещении, заполненном людьми, пришедшими на службу, несмотря на метель и стужу. Внимание всякого, кто переступал порог этого святилища, сразу привлекали широкий неф, утопающие в полумраке боковые приделы, высокий купол, который совершенно не портили проглядывавшие из-под лепнины тонкие ребра свода, чудесный уединенный алтарь со стрельчатой аркой и пятью узкими окнами, выходящими на восток. Исходящее от всего этого великолепия мягкое свечение не оставило равнодушным и его светлость. Взгляд Уимзи скользнул по нефу и переключался на изящные колонны, верхушки которых расходились в стороны, подобно струям фонтана, и плавно перетекали в широкие легкие арки, поддерживавшие верхний ряд окон, освещавших хоры. Его светлость замер в восторге и восхищении. Там, в высоте, тускло мерцающая в полумраке позолоченными локонами и крыльями, парили ангелы, херувимы и серафимы, устремляя взгляды к небесам и словно пытаясь взмыть еще выше.

– Господи! – с благоговением выдохнул Уимзи, а потом тихо прошептал: – «И воссел на херувимов, и полетел, и понесся на крыльях ветра».⁸

Мистер Эзекайя Лавендер больно ткнул своего товарища под ребра, и Уимзи вдруг понял, что прихожане вновь начали молиться, в то время как он один все еще стоит разинув рот. Его светлость поспешно зашелестел страницами молитвенника, чтобы подхватить слова молитвы. Со стороны он наверняка выглядел как слабоумный или язычник, никогда прежде не видевший молитвослова, поэтому мистер Лавендер помог отыскать нужную страницу и принялся громко читать псалмы ему на ухо.

– Хвалите его с тимпаном и ликами, хвалите его на струнах и органе...

⁸ Псалом 17:11.

Пронзительные голоса одетых в стихари хористов эхом отзывались под сводами храма, и ангелы, казалось, вторили им своими позолоченными устами.

– Хвалите его на звучных кимвалах, хвалите его на кимвалах громогласных...

– Все дышащее да хвалит Господа! Аллилуйя.

Близилась полночь. Святой отец подошел к ступеням алтаря и произнес своим мягким, хорошо поставленным голосом короткое обращение, в котором призывал славить Господа не только с помощью струн и органа, но и с помощью сладкоголосых колоколов этой прекрасной, горячо любимой церкви. В своей речи он ненавязчиво упомянул о присутствии в церкви заезжего странника – «только не оборачивайтесь, чтобы посмотреть на него, поскольку это будет неучтиво», – которого Провидение послало на помощь. Питер Уимзи зарделся, священник произнес слова благословения, и, когда орган снова заиграл, Эзекайя Лавендер зычно крикнул:

– Пора, ребята!

Стараясь не шуметь, звонари поднялись со стульев и направились к лестнице, ведущей на колокольню. Все сняли верхнюю одежду и повесили на вбитые в стену крючки, а лорд Питер с удовольствием взглянул на скамью с огромным коричневым бочонком с оловянными кружками. Очевидно, хозяин «Красной коровы» сдержал слово и снабдил звонарей «своим обычным».

Звонари заняли места, и Эзекайя Лавендер сверился с часами.

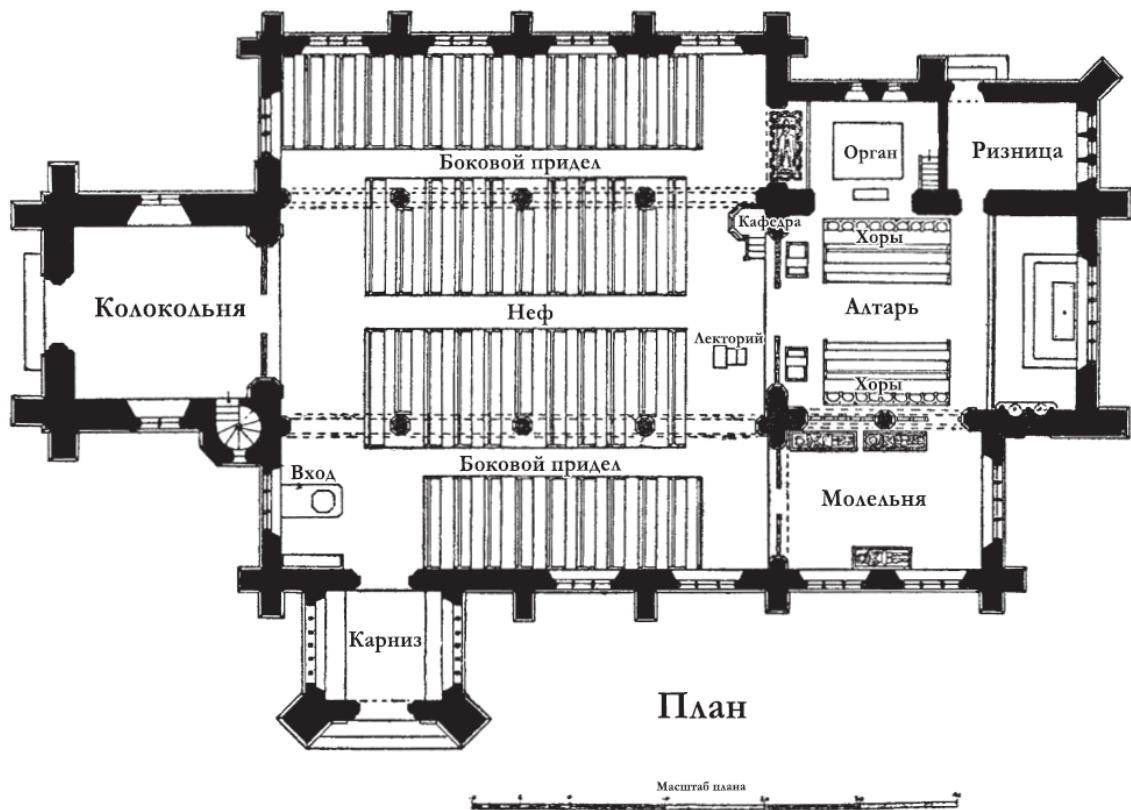
– Пора! – воскликнул он, а затем поплевал на ладони, взялся за утолщенную часть веревки Тейлора Пола и мягко привел колокол в движение.

«Бом-бом-бом». Пауза. «Бом-бом-бом». Снова пауза. «Бом-бом-бом». Девять погребальных ударов по усопшему. Год канул в Лету. Еще двенадцать ударов: по одному в память о каждом месяце. После этого наступила тишина, а затем с высоты раздался переливчатый бой часов, возвестивший о наступлении полночи. Звонари ухватились за веревки.

– Начали!

И колокола заговорили: Гауде, Саваоф, Джон, Иерихон, Джубили, Димити, Бетти Томас и Тейлор Пол, – прогнав радостным звоном тишину из темной башни. Их широкие рты открывались и закрывались, медные языки раскачивались из стороны в сторону, огромные колеса вращались, приводимые в движение веревками.

«Тин-тан-дин-дан-бим-бам-бом-бо. Тан-тин-дин-дан-бам-бим-бо-бом. Тин-тан-дин-дин-бим-бам-бом-бо. Тан-тин-дин-дин-бам-бим-бо-бом. Тан-дан-тин-бам-дин-бо-бим-бом». Каждый колокол на своем месте, отбивает мелодию. Вниз, вверх, пауза, удар. Три, четыре, три, четыре. Четкий ритм. Снова и снова. Чарующий перезвон разливался в небе над бесконечными, покрытыми снегом болотами, над прямыми, точно стрелы, темными дамбами, стоящими от порывов ветра тополями. Звонкие переливы проникали сквозь запорошенные снегом решетчатые оконца колокольни, разносились на крыльях ветра над спящими графствами, и на много миль вокруг были слышны голоса семерых друзей – малыша Гауде, серебряного Саваофа, силачей Джона и Иерихона, весельчака Джубили, сладкоголосых Димити и Бетти Томаса. Руководил же их хором величественный гигант Тейлор Пол. Вверх и вниз металась тени звонарей на стенах колокольни. Вверх и вниз взмывали алые концы веревок. Вверх и вниз раскачивались колокола церкви Святого Павла.

Уимзи, не сводивший глаз с веревок и напряженно вслушивавшийся в ритм ведущего колокола, сосредоточился на своем задании. Он лишь краем глаза увидел старика Эзекаю, двигавшегося с плавной грацией отлаженного механизма и слегка наклонявшегося каждый раз, когда необходимо было привести в движение массивный колокол, и Уолли Прагга с перекошенным от напряжения лицом и беспрестанно шевелившимися губами, повторявшими замысловатую последовательность ударов. Его колокол двинулся в сторону колокола его светлости, уклонился от номера шестого, номера седьмого и номера пятого, ударил дважды, вновь наклонился и громко прозвонил в унисон с Саваофом. Последний перехватил лидерство и весело затрезвонил, задавая ритм своим собратьям. Восседавшему высоко на флюгере петуху показалось, будто даже каменные башенки под его позолоченными лапами, проникшись торжественностью момента, начали плавно раскачиваться из стороны в сторону подобно гнущимся от ветра деревьям внизу.

Прихожане стали постепенно подниматься со своих мест и устремляться к выходу. Огоньки их фонариков и масляных ламп рассыпались в ночи подобно поднятым ветром искрам костра. Сняв с себя стихарь и епитрахиль, святой отец облачился в повседневную сутану, поднялся на колокольню и уселся на скамью, готовый в любой момент прийти на помощь. Сквозь перезвон колоколов послышался бой часов. В конце первого часа священник взял веревку из рук взволнованного Уолли, чтобы тот мог немного отдохнуть и промочить горло. Тихое бульканье свидетельствовало о том, что подношение мистера Доннингтона пришлось как нельзя кстати.

Уимзи, получив передышку в конце третьего часа, заметил миссис Венаблз и сопровождающего ее Бантера, сидевших на скамье рядом с кружками.

– Надеюсь, вы не выбились из сил, – произнесла миссис Венаблз.

– Ничего подобного. Только во рту пересохло. – Немного думая лорд Питер осушил поданную ему кружку и поинтересовался, как звучат колокола.

– Очень красиво! – воскликнула она. На самом деле миссис Венаблз совершенно не интересовалась колокольным звоном и клевала носом. Однако знала, что муж наверняка расстроится, если она не поддержит его своим присутствием. – Удивительно, правда? Какими мягкими и спокойными кажутся звуки здесь, в помещении. Хотя нас отделяет целый этаж. – Миссис Венаблз зевнула.

Перезвон продолжался. Уимзи, понимая, что священник будет занят на колокольне еще четверть часа, внезапно захотел послушать, как звучат колокола на улице, спустился вниз по винтовой лестнице и отворил дверь южного входа, однако едва переступил порог, звон чуть не оглушил его. Снегопад немного утих. Его светлость свернул направо, решив, что негоже идти вокруг церкви против часовой стрелки, и двинулся по тропинке вдоль стены, которая тянулась до западного входа. Укрытый от непогоды за каменной стеной, Уимзи совершил в некотором роде святотатство, закурился. Немного постояв и переведя дух, он снова свернул направо. Вскоре тропинка оборвалась, и Уимзи пришлось пробираться сквозь заросли жухлой травы и надгробных плит, которые располагались вдоль всего бокового придела. У северной стены храма его светлость вновь оказался на тропинке, ведущей к небольшой двери. Лорд Питер подергал за ручку, но дверь была заперта, и он двинулся дальше. Только вот теперь, когда огибал восточную оконечность церкви, ветер что есть силы дул ему в лицо, обжигая кожу. Остановившись на мгновение, чтобы перевести дух, Уимзи окинул взглядом простирившиеся перед церковью болота. Все вокруг утопало в темноте. Лишь в отдалении светился тусклый огонек в окне одного из домов. Прикинув расстояние, Уимзи предположил, что дом этот находится где-то у той пустынной дороги, по которой они приехали к священнику, и подивился тому, что кто-то не спит в три часа ночи. Однако ему совсем не хотелось стоять на улице в такой холод. К тому же он мечтал поскорее взяться за колокол. Уимзи снова обошел церковь, открыл южную дверь и поднялся на колокольню. Святой отец вернул ему веревку, сообщив последовательность ударов.

В шесть часов утра все звонари держались молодцами, разве что тщательно зачесанный чуб теперь упал Уолли Пратту на глаза, по лбу обильно струился пот, однако позиций он не сдавал, все так же энергично орудуя веревкой. Свежий и веселый кузнец, казалось, был готов звонить хоть до следующего Рождества. На лбу хозяина паба залегли морщины, однако послабления он себе не давал. Но самым энергичным из всех был старик Эзекайя, продолжая двигаться так же четко и ритмично, словно слился со своей веревкой воедино, а его надтреснутый голос звучал четко и громко, как и несколько часов назад.

Без четверти восемь священник оставил звонарей, чтобы подготовиться к утренней службе. Пиво в бочонке почти закончилось, а на лице Уолли Пратта, которому оставалось продержаться всего полтора часа, отразилось напряжение. Сквозь южное окно начал пробиваться бледный голубоватый свет наступающего утра.

В десять минут десятого на колокольне снова появился святой отец с часами в руках и сияющей улыбкой на лице.

В половине десятого колокола стали звонко и победоносно отбивать последнюю музыкальную фразу: «Тин-тан-дин-дан-бим-бам-бом-бо».

Отзвуки перезвона пролетели над болотами и стихли. Звонари отпустили веревки.

– Восхитительно, парни, просто восхитительно! – воскликнул исполненный ликования мистер Венаблз. – Вы это сделали, и, видит бог, лучше и нельзя было.

– Верно, – кивнул мистер Лавендер. – Недурно получилось. Да, мы сделали. Как это звучало внизу, сэр?

– Прекрасно, – ответил святой отец. – Такого безупречного и мелодичного перезвона я еще не слышал ни разу в своей жизни. Вы все наверняка ужасно проголодались. Но в моем доме уже накрыт стол. Вот теперь, Уолли, ты можешь называть себя настоящим звонарем. Ты с честью выдержал тяжелое испытание, верно, Эзекайя?

– Справился весьма средне, – проворчал старик. – Слишком ты напрягался: гляди-ка, аж взмок весь, – однако серьезных ошибок не допустил, а это уже что-то. Только вот я заметил, что ты постоянно что-то бормотал себе под нос и считал удары. А ведь я сотню раз повторял, что нужно внимательнее глядеть на веревки, и тогда не придется...

– Ну-ну! – попытался подбодрить парня Венаблз. – Не обращай внимания, Уолли. Ты прекрасно справился. А где же наш лорд Питер? Ах вот вы где. Не могу выразить словами, насколько мы вам благодарны. Надеюсь, вы не слишком утомились?

– Нет, – возразил лорд Питер, которому никак не удавалось отделаться от своих товарищей, энергично пожимавших ему руки. На самом деле он устал так, что едва держался на ногах. Слишком давно не звонил в колокола на протяжении многих часов. И теперь его одолевало лишь одно желание – забиться в угол и заснуть. – Я... в полном порядке.

Уимзи покачнулся и наверняка свалился бы вниз с крутой лестницы, если бы его вовремя не подхватила сильная рука кузнеца.

– Завтрак, – громко сказал обеспокоенный священник. – Завтрак, вот что сейчас необходимо нам всем. И горячий кофе. Очень бодрит. Да-да, мне и самому хочется выпить горячего кофе. Ха! Смотрите-ка. Снегопад закончился. Как красив этот белоснежный мир. Жаль, что эта красота скоро растает. Полагаю, наша Тридцатифутовая дамба выйдет из берегов. Вы уверены, что с вами все в порядке? Тогда идемте, идемте скорее. Ох ты... Моя жена пришла. Станет бранить меня за опоздание. Мы уже идем, дорогая... Да? Что такое, Джонсон?

Последняя фраза относилась к молодому человеку в униформе шофера, стоявшему рядом с миссис Венаблз, однако женщина не дала ему ответить:

– Мой дорогой Теодор... Ты не можешь уехать прямо сейчас. Тебе надо съесть хотя бы что-нибудь.

Мистер Венаблз решительно прервал жену и перевел взгляд на молодого человека.

– Агнес, дорогая, извини. Я нужен, Джонсон?

– Мистер Генри прислал меня сообщить, что даме утром стало гораздо хуже. Они опасаются, что до вечера она не доживет, сэр. Несчастной хочется исповедаться как можно скорее.

– Господь всемогущий! – воскликнул священник. – Неужели она настолько плоха? Печально слышать это. Разумеется, я приеду. Причем немедленно. Я и понятия не имел...

– Никто из нас тоже не ожидал подобного поворота, сэр. Все этот проклятый грипп. Еще вчера никому бы и в голову не пришло...

– Боже, боже! Я надеюсь, что все не так ужасно, как ты говоришь. Но медлить нельзя. По дороге расскажешь мне подробнее. Агнес, дорогая, проследи, чтобы наши звонари как следует позавтракали, и объясни им, почему я не смогу к ним присоединиться. Лорд Питер, прошу прощения. Увидимся с вами позднее. Господи, помилуй! Леди Торп... Что за напасть такая этот грипп!

И святой отец поспешил в церковь. Миссис Венаблз выглядела так, словно вот-вот заплачет от беспокойства и душевных страданий.

– Бедный Теодор! Всю ночь глаз не сомкнул. Конечно, он должен поехать. Нельзя думать только о себе. Бедный сэр Генри! Сам остался инвалидом! Такое печальное утро, и никто не приготовил ему завтрак. Джонсон, прошу вас, передайте мисс Хилари, как мне жаль слышать столь печальные новости, и спросите, не могу ли я чем-нибудь помочь миссис Гейтс. Это экономка, лорд Питер. Славная женщина. Их кухарка уехала на праздники, и ей одной будет непросто. Верно говорят: беда не приходит одна. Ох ты господи, вы, вероятно, умираете от голода. Идемте же со мной. А вы непременно дайте знать, если что-нибудь понадобится, Джонсон. Как думаете, сиделка сэра Генри справится? Это такое уединенное место. Теодор! Ты уверен, что оделся достаточно тепло?

Священник, вернувшийся из церкви с сосудами для причастия, заверил жену, что не замерзнет. Джонсон усадил его в свою машину и двинулся в сторону деревни.

Это неожиданное происшествие повергло в уныние всех присутствующих. Только Уимзи, желудок которого свело от голода, в полной мере наслаждался яичницей с беконом и горячим свежесваренным кофе. Восемь челюстей пережевывали пищу в полной тишине, в то время как миссис Венаблз молча подносила еду, не в силах справиться с беспокойством за собственного мужа и семейство Торп.

– Столько несчастий выпало на их долю, – вздыхала она. – То одно, то другое. Болезнь сэра Чарльза, исчезновение ожерелья, ужасная судьба этой девушки. Господь смилостивился над убийцей охранника, послав ему смерть. Хотя данный случай надолго лишил всю семью покоя. Эзекайя, как вы себя чувствуете? Еще бекона, мистер Доннингтон? Хинкинс, передайте мистеру Годфри холодной ветчины. Бедный сэр Генри так и не оправился после войны. Ты действительно наелся, Уолли? Надеюсь, мистер Венаблз долго не задержится. Он ведь даже не позавтракал. Еще кофе, лорд Питер?

Поблагодарив гостеприимную хозяйку, Уимзи поинтересовался, что это за история со старым сэром Чарльзом и пропажей ожерелья.

– Ах, ну конечно, вы же ничего не знаете. Какая я глупая! Мы живем столь уединенно, что нам кажется, будто местные происшествия становятся достоянием всего света. Это длинная история, и мне вообще не следовало о ней упоминать... – тут женщина понизила голос, – будь здесь Уильям Тодей. Расскажу вам после завтрака. Или попросите Хинкинса. Он лучше знает. Кстати, как чувствует себя Уильям Тодей? Никто не слышал?

– Ему очень плохо, мэм, – ответил мистер Доннингтон. – После службы я разговаривал со своей женой. Так вот, она слышала от Джо Муллинза, будто бы он бредил всю ночь. Его насилу удержали в постели. Норовил встать и отправиться на колокольню.

– Боже, боже! Мэри повезло, что Джеймс дома.

– Верно, – кивнул мистер Доннингтон. – Его помощь пришлась весьма кстати. Правда, он уезжает через день или два. Но они надеются, что к тому времени худшее будет позади.

Миссис Венаблз озабоченно зацокала языком.

– Да уж, – подхватил старик Эзекайя. – Коварная штука этот грипп. Косит молодых и сильных. А нас, стариков, не трогает. Видать, такие, как я, ему не по зубам.

– Похоже, ты прав, Эзекайя, – произнесла миссис Венаблз. – Ну вот. Уже десять часов, а святой отец все еще не вернулся. Хотя вряд ли следовало ожидать... Слышите? Машина едет. Уолли, позвони в колокольчик. Нужно подать мистеру Венаблзу свежие яйца и бекон, Эмили. И поставь кофейник на плиту.

Девушка взяла кофейник, но почти сразу вернулась.

– Святой отец просит у всех прощения. Хочет, чтобы ему принесли завтрак в кабинет. Мадам, несчастная леди Торп умерла, и если мистер Лавендер уже позавтракал, то мистер Венаблз просит его снова подняться на колокольню и прозвонить за упокой ее души.

– Умерла! – воскликнула миссис Венаблз. – Боже мой, какое горе!

– Да, мэм, мистер Джонсон сказал, что это случилось внезапно. Не успел святой отец выйти из комнаты, как все было кончено, и теперь никто не знает, как сообщить об этом мистеру Генри.

Мистер Лавендер отодвинул стул и, поднявшись из-за стола, вымолвил:

– В самом расцвете лет... Ужасно. Прошу прощения, мэм, но мне необходимо вас покинуть. Благодарю за завтрак. Доброго вам всем утра. Это был отличный перезвон. Но теперь нам со стариной Тейлором Полом снова пора приниматься за работу.

Старик решительно вышел за дверь, а через пять минут до слуха присутствующих донесся глубокий и печальный колокольный звон. Первые шесть ударов свидетельствовали о том, что умерла женщина, а последующие быстрые удары сообщали возраст усопшей. Уимзи насчитал тридцать семь. Колокол на мгновение замолчал, а затем зазвонил снова. Теперь он

медленно отбивал единичные удары с интервалом в полминуты. Тишину в столовой нарушали лишь робкий шорох ложек тех, кто пытался незаметно доест свой завтрак.

Вскоре присутствующие тихо разошлись. Мистер Уайлдерспин отозвал Уимзи в сторону и сообщил, что послал к мистеру Эштону за парой лошадей и крепкой веревкой. Кузнец надеялся вытащить машину из канавы как можно скорее, чтобы оценить ее состояние. Если его светлость соизволит явиться в кузню примерно через час, то они смогут обсудить характер повреждений и последующий ремонт. Джордж, сын кузнеца, прекрасно разбирался в моторах, поскольку частенько чинил сельскохозяйственную технику, не говоря уже о собственном мотоцикле. Миссис Венаблз удалилась в кабинет, чтобы утешить мужа, на приход которого обрушились такие несчастья. Уимзи, зная, что его присутствие на Фрогс-Бридже не только не поможет, но и помешает, попросил хозяйку дома не беспокоиться о нем и вышел в сад. Позади дома он обнаружил Джо Хинкинса, начищавшего старенький автомобиль священника. Джо закурил протянутую ему сигарету, отпустил пару замечаний касательно недавнего перезвона, а затем начал рассказ о семействе Торп:

– Они живут в большом кирпичном доме на противоположном конце деревни. Когда-то были очень богаты. Они сами говорили, что заработали состояние, вложив деньги в осушение болот еще при графе Бедфорде. Вам наверняка это известно, милорд. Как бы то ни было, их семейство считается в наших краях одним из старейших. Сэр Чарльз был славным и щедрым человеком: сделал для нашей деревни много хорошего, – хотя в те времена его нельзя было назвать богачом. Поговаривали, будто его отец потерял много денег в Лондоне, но я не знаю, как именно. Но сэр Чарльз умело управлял землями, и его смерть вскоре после ограбления стала для нас настоящим потрясением.

– Что за ограбление? Как это случилось?

– Именно тогда украли ожерелье, о котором говорила супруга нашего священника. А произошло это вскоре после того, как молодой сэр Генри женился: весной, в апреле тысяча девятьсот четырнадцатого года. Я хорошо это помню. Был тогда совсем мальчишкой, и перезвон в честь их бракосочетания стал первым моим серьезным опытом общения с колоколами. Мы тогда звонили в семь колоколов и сделали пять тысяч сорок ударов. Это был перезвон Холта, состоящий из десяти частей. Запись об этом вы найдете в церкви. А затем состоялся грандиозный званый обед в Красном доме. На свадьбу съехалось множество гостей. Невеста была сиротой, хотя и имела какое-то отношение к семье жениха, а сэр Генри – наследник сэра Чарльза, поэтому свадьбу сыграли здесь. Среди гостей была одна дама – обладательница роскошного изумрудного ожерелья стоимостью несколько тысяч фунтов. И вот в ночь после торжества, когда сэр Генри с молодой женой уехали в свадебное путешествие, ожерелье украли.

– Святые небеса! – воскликнул лорд Уимзи, уселся на подножку автомобиля и внимательно посмотрел на своего собеседника.

– Да уж, ситуация, – кивнул довольный рассказчик. – В нашем приходе это стало настоящей сенсацией. Но хуже всего то, что в ограблении оказался замешан один из слуг сэра Чарльза. Несчастный... Ему было так стыдно. Когда выяснилось, что натворил Дикон...

– Кто это?

– Дворецкий. Служил семье шесть лет и был женат на Мэри Рассел, которая теперь замужем за Уильямом Тодеем. Это он управляет номером вторым, но слег с гриппом.

– Значит, Дикон умер.

– Совершенно верно, милорд. К этому я и веду. Вот как все случилось. Миссис Уилбрахам проснулась среди ночи и увидела мужчину, стоявшего у окна ее спальни. Когда она подняла крик, мужчина выпрыгнул в сад и скрылся в кустах. Она закричала снова и зазвонила в колокольчик. В общем, подняла такой шум, что сбежались все, кто находился в доме: сэр Чарльз и еще несколько джентльменов, у одного из которых оказался дробовик. Когда они спустились вниз, в дверь черного хода как раз вбегал Дикон в пальто и брюках, а также лакей в

пижаме. Примчались даже шофер, который спал в гараже, и садовник. Ведь сэр Чарльз позвонил в колокольчик, созывая слуг. За садовником последовал и я, поскольку в то время служил его помощником. Я бы никогда не покинул сэра Чарльза, если бы он не уволил половину слуг из-за войны. К тому же моему хозяину пришлось заплатить миссис Уилбрахам за ожерелье, что существенно подорвало его финансовое положение.

– Он заплатил за ожерелье?

– Да, милорд. Драгоценность не была застрахована, и хотя никто не считал сэра Чарльза ответственным за случившееся в его доме, он решил возместить своей гостье стоимость украшения. Если честно, я не понимаю, как женщина, называющая себя леди, могла взять у него деньги. Когда мы все выбежали из дома, один из джентльменов заметил мужчину, улепетывавшего через лужайку. Мистер Стэнли выстрелил и, как мы узнали впоследствии, попал в него. Но, несмотря на ранение, ему все же удалось перемахнуть через стену. Там его уже ждал приятель в машине. А потом из дома выбежала миссис Уилбрахам со служанкой. Обе заламывали руки и кричали, что драгоценное ожерелье пропало.

– Злоумышленника так и не поймали?

– Нет, милорд. Наш шофер прыгнул в автомобиль и помчался за грабителями, но пока выезжал из гаража, они успели уехать на приличное расстояние. Они миновали церковь, однако никто не мог сказать, куда направились дальше – в сторону церкви Святого Петра или вдоль берега реки. Впрочем, они могли двинуться куда угодно – в Дикси, Уоли или Уолбич. А могли пересечь нашу Тридцатифутовую дамбу и поехать в Лимхолт или Холпорт. В общем, шофер отправился за полицией. Видите ли, если не считать живущего в соседней деревне констебля, ближайший полицейский участок находится в Лимхолте. Но тогда у тамошних полицейских не было автомобиля, и сэр Чарльз решил послать за ними свой, сообразив, что так будет быстрее.

– А! – воскликнула миссис Венаблз, просовывая голову в дверь гаража. – Все-таки решили расспросить Джо о краже в семье Торп. Да, он действительно знает об этом больше меня. Вы не замерзли здесь?

Уимзи поблагодарил женщину за заботу, заверив, что ему совершенно не холодно, и выразил надежду, что святой отец чувствует себя не слишком плохо после того, что выпало на его долю.

– Он в порядке, – ответила миссис Венаблз. – Только очень расстроился. Но вы оставайтесь на обед: у нас картофельная запеканка с мясом. Надеюсь, вам понравится. Сегодня мясник к нам не заглядывал, но у меня всегда имеется в запасе холодная ветчина.

Она поспешила прочь, а Джо Хинкинс принялся протирать фары мягкой тряпочкой.

– Продолжайте, – попросил Уимзи.

– Так вот. Вскоре приехали полицейские и начали обшаривать все вокруг. Нам оставалось лишь мысленно проклинать их, глядя на то, как они топчут тюльпаны на клумбах в поисках следов. Им удалось вычислить машину и разыскать раненного в ногу парня. Он оказался известным лондонским вором, специализировавшимся на краже драгоценностей. Только вот они сказали, что нужно искать среди слуг, потому что это не он выпрыгивал из окна спальни. Вскоре выяснилось, что тем человеком был Дикон. Судя по всему, тот вор из Лондона давно присматривался к ожерелью, поэтому и вступил в сговор с Диконом: уговорил его украсть драгоценность и выбросить ее из окна. Полицейские, абсолютно уверенные в своей правоте, арестовали Дикона. Думаю, они нашли отпечатки пальцев или нечто подобное. Я отчетливо помню, как это происходило. Его взяли рано утром в воскресенье на выходе из церкви. Однако далось это непросто. Дикон чуть не убил костебля. Кража случилась в четверг. Так что, как видите, полицейские вычислили нечистого на руку слугу довольно быстро.

– Да. А откуда Дикон узнал, где лежит украшение?

– Все очень просто. Выяснилось, что служанка леди Уилбрахам по глупости сболтнула что-то Мэри Рассел. А та без всяких задних мыслей рассказала все мужу, то есть Дикону.

Полицейские допросили и женщин. Мы всей деревней переживали за Мэри. Ведь знали ее как честную и порядочную девушку из уважаемой семьи. Ее отец прислуживал в церкви. Ни в одной деревне нет более достойной семьи, чем Расселы. А вот Дикон не местный, он родом из Кента. Сэр Чарльз привез его из Лондона. Однако его оправдать не удалось. Вор из Лондона – он назвался Крэнтоном, хотя у него были и другие имена, – выдал Дикона с потрохами.

– Грязный пес!

– Только вот этот самый Крэнтон заявил полицейским, что Дикон его обманул. Сказал, что будто бы Дикон сбросил ему пустой футляр, а ожерелье оставил себе. Крэнтон потом едва не задушил своего сообщника, пытаясь, куда тот дел ожерелье. Но Дикон, конечно же, все отрицал. Утверждал, будто услышал какой-то шум и пошел посмотреть, в чем дело. А когда миссис Уилбрахам увидела его в своей спальне, он как раз собирался пуститься вдогонку за Крэнтоном. Дикон даже не отрицал, что бывал в спальне этой леди, поскольку полицейские обнаружили отпечатки его пальцев. Однако вначале он выдал совсем другую версию: сказал, что вышел из дома, услышав какой-то шум в саду. И это свидетельствовало не в его пользу. Мэри подтвердила его первоначальный рассказ. И действительно – задняя дверь была не заперта, когда из нее выходил один из лакеев. Однако прокурор объяснил данное обстоятельство тем, что Дикон заранее открыл дверь, чтобы, выпрыгнув через окно, иметь возможность вернуться в дом. Что же касается ожерелья, то его так и не нашли. То ли ожерелье забрал Крэнтон, а потом побоялся от него избавиться, то ли его спрятал Дикон. Никто не знает. Украшения больше никто не видел, как и денег, которые якобы Крэнтон передал Дикону. Правда, полиция перевернула все вокруг. В конце концов Мэри и служанку оправдали, поскольку те были виновны лишь в том, что мели языками, как это делают большинство женщин. А вот Крэнтона и Дикона посадили в тюрьму на длительный срок. После того случая старик Рассел не смог смотреть людям в глаза, продал дом и уехал из этих мест, забрав Мэри с собой. А когда умер Дикон...

– Как это случилось?

– Он сбежал из тюрьмы, убив при этом охранника. Скверный человек. Это случилось в тысяча девятьсот восемнадцатом году. Однако погулять на свободе ему не довелось. Он свалился в каменоломню неподалеку от Мейдстона, и его тело в тюремной робе нашли лишь через два года. Узнав об этом, Уильям Тодей, которому всегда нравилась Мэри, женился на ней и привез обратно. Никто в наших краях не верит, что девушка была каким-то образом замешана в краже. Поженились они десять лет назад. У них двое детей, и живут они очень дружно. Выйдя из тюрьмы, Крэнтон снова попал в какую-то историю и получил новый срок, однако, как я слышал, он снова на свободе. А Джек Прист – констебль из соседней деревни – говорит, что совсем не удивится, если опять услышит о пропавшем ожерелье. Ведь до сих пор неизвестно, у Крэнтона оно или нет.

– Запутанное дело. Так вы говорите, сэр Чарльз выплатил потерпевшей даме стоимость украшения?

– Не сэр Чарльз, милорд. Это сделал сэр Генри. Он, бедняга, тотчас же прервал свадебное путешествие и вернулся домой, где обнаружил, что сэр Чарльз серьезно болен. Когда взяли Дикона, у старика случился удар. Ведь он считал себя ответственным за то, что произошло. К тому же ему уже перевалило за семьдесят. После того как присяжные вынесли вердикт, сэр Генри пообещал отцу, что все уладит. А вскоре началась война, до конца которой сэр Чарльз, увы, не дожил. У него случился еще один удар, и он умер. Но сэр Генри не забыл о своем обещании. Как только полицейские признали, что оставили надежду отыскать пропажу, он выплатил леди Уилбрахам стоимость ожерелья. Однако это ударило по финансам семьи. К тому же сэр Генри получил серьезное ранение и вернулся домой инвалидом. С тех пор он уже не был прежним, да и сейчас выглядит не слишком хорошо. Думаю, смерть леди Торп доконает его. Эту славную женщину любили все.

– Есть ли у них дети?

– Да, милорд, дочь – мисс Хилари. В этом месяце ей исполнится пятнадцать лет. Она приехала навестить родителей. Печальные получатся каникулы.

– Вы правы, – кивнул лорд Питер. – Какую интересную историю вы мне рассказали, Хинкинс. Пожалуй, разужаю все об изумрудах леди Уилбрахам. А вот и мой друг Уайлдерспин. Полагаю, он пришел сообщить, что мою машину вытащили из кювета.

Уимзи оказался прав. Его огромный «даймлер» стоял перед воротами дома священника. При этом он был привязан к телеге, которую тянула пара крепких лошадей, с превосходством поглядывавших на весьма жалко выглядывший автомобиль. Однако отец и сын Уайлдерспины были настроены оптимистично: собирались выправить переднюю ось, погнувшуюся в результате удара о дорожный указатель. Если же сделать своими силами не удастся, они пошлют за мистером Браунлоу из прихода Святого Петра, который отбуксирует автомобиль в свой гараж. Мистер Браунлоу слывет в здешних местах настоящим мастером. Хотя его вполне может не оказаться дома. В приходе Святого Стефана праздновали свадьбу, и мистер Браунлоу наверняка вызвался поработать на ней шофером. Однако всегда можно попросить начальницу почтового отделения позвонить и все разузнать. Ведь единственный в деревне телефон находится на почте, если не считать телефона в доме сэра Генри. Только вот обращаться к нему в сложившихся обстоятельствах не слишком удобно.

С сомнением оглядев ось своего автомобиля, Уимзи предположил, что будет разумнее сразу обратиться к мистеру Браунлоу, и вызвался самолично попросить начальницу почтового отделения об услуге, если мистер Уайлдерспин подкинет его до деревни. Его светлость уселся на телегу мистера Эштона, и процессия двинулась в деревню.

Приходская церковь Святого Павла, как и большинство других в этой части Англии, находилась на приличном расстоянии от деревни и соседствовала лишь с домом священника. Сама же деревня располагалась на перекрестке двух дорог, одна из которых вела на юг, в сторону прихода церкви Святого Стефана, и на север, в сторону прихода церкви Святого Петра, недалеко от Тридцатифутовой дамбы. Другая же тянулась вдоль деревни. Здесь она становилась все более ухабистой и грязной, но возле Фрогс-Бриджа снова выравнивалась, пересекая дамбу. Таким образом, три прихода образовывали своеобразный треугольник, в северной оконечности которого была церковь Святого Павла, в южной – церковь Святого Петра, и в западной – церковь Святого Стефана. Приходы Святого Петра и Святого Стефана соединяла железнодорожная ветка, уходившая дальше на север, в Лимхолт, и пересекавшая канал по виадуку Дикси.

Приход церкви Святого Петра самый большой и важный, поскольку только в нем есть железнодорожная станция и протекает река, берега которой соединяют два моста. Однако церковь тут ничем не примечательная. Строительство ее началось не в самые лучшие для страны времена, поэтому крышу покрыли обычным шифером, а о колоколах и вовсе забыли.

В приходе церкви Святого Стефана тоже имеется железнодорожная станция, но появилась она там лишь потому, что сам приход находится в непосредственной близости от железнодорожной ветки, соединяющей приход Святого Петра и Лимхолт. В деревне также есть церковь постройки XIV века с весьма примечательной крестной перегородкой, норманнской апсидой⁹ и колокольной с восемью колоколами. Приход церкви Святого Павла – самый маленький из трех. Здесь нет ни реки, ни железнодорожной станции. И все же он самый старейший и по праву гордится своей величественной церковью и обладающими безупречным звуком колоколами. Объясняется это тем, что церковь выросла на месте аббатства. Даже сейчас близ существующего храма можно увидеть руины норманнской церкви и монастыря. Нынешняя церковь расположена на небольшом холме и возвышается над деревней на десять–двенадцать футов. Здесь, на болотах,

⁹ Полукруглая выступающая часть здания с перекрытием.

такое возвышение считается весьма значительным, а в древние времена выгодное положение позволяло защитить церковь и аббатство от паводков. А вот реку Вейл приход церкви Святого Петра не может считать своим достоянием, поскольку раньше она несла свои воды неподалеку от церкви Святого Павла. Только вот направление ее русла было изменено во времена короля Якова I. Забравшись на колокольню церкви Святого Павла, можно разглядеть старое пересохшее русло, огибающее широкие луга и плодородные земли. Издалека оно выглядит словно лук, тетивой которого является прямая, поросшая зеленью дамба Поттерс-Лоуд. Окружающие приходы земли давно уже осушили с помощью многочисленных дренажных рвов, напитав водой реку Вейл.

Проследив, как снимают с «даймлера» переднюю ось, и решив, что мистер Браунлоу и мистер Уайлдерспин разберутся без его помощи, лорд Питер Уимзи отправил телеграмму своим друзьям, ожидающим его в Уолбиче, и теперь размышлял, чем бы ему заняться. Деревня не представляла для него никакого интереса, поэтому он решил осмотреть церковь. Колокольный звон стих, и Эзекайя Лавендер отправился домой. Однако дверь южного входа была открытой, и, войдя внутрь, Уимзи увидел миссис Венаблз, наполнявшую свежей водой обрамлявшие алтарь вазы. Заметив, что гость рассматривает резные узоры на изящной дубовой крестной перегородке, женщина подошла его поприветствовать.

– Красиво, правда? Эта церковь – гордость моего Теодора. И он много делает для того, чтобы она оставалась столь же прекрасной. К счастью, до него здесь служил очень добросовестный человек, старавшийся вовремя делать необходимый ремонт. Однако из-за недостатка образования он допускал просто возмутительные вещи, которые повергли нас с Теодором в шок. Взять хотя бы нашу прекрасную часовню. Вы не поверите, но он позволил устроить в ней угольный склад. Разумеется, мы ее очистили. Теодор хотел устроить там придел Богоматери и поставить еще один алтарь, однако побоялся, что прихожане не поймут такого почитания Римско-католической церкви. Окно великолепное, правда? Оно относительно новое, но нам посчастливилось сохранить оригинальные стекла. Мы так за них боялись, когда налетели дирижабли и сбросили бомбу на Уолбич. А ведь это всего в двадцати милях отсюда. Так что они вполне могли добраться и до нас. Смотрите, какая чудесная решетка. Как кружево. В спрятанных за ней могилах покоятся члены семейства Гауди. Они жили тут во времена королевы Елизаветы. На самом маленьком колоколе вы можете обнаружить надпись на латыни: «Радуйтесь, Гауди, Господу во славу!» С северной стороны была когда-то построенная на пожертвования часовня аббата Томаса. Там же он и похоронен. Колокол Бетти Томас назвали в его честь. Искаженное от слова «аббат». Какой-то вандал разрушил перегородку за хорами, чтобы поставить туда орган. Ужасное варварство, верно? Несколько лет назад мы заменили трубы в этом органе. А теперь нужно заменить мехи. Они слишком маленькие и не успевают заполнять трубы. Бедному Дурачку приходится постоянно надувать мехи, и мисс Снут вынуждена играть в одиночку. Нашего органиста все называют Дурачком Пиком. Но он не такой уж и дурачок. Просто не слишком умный. Но самое примечательное в нашей церкви – расписанный ангелами купол. Такого нет даже в Марче и Нидеме. Ведь в нашей церкви сохранилась оригинальная роспись. Правда, лет двенадцать назад мы кое-где подкрасили купол, но ничего нового не добавляли. Целых десять лет убеждали церковного старосту, что немного свежей позолоты ангелам не повредит, хоть он и утверждал, что это будет выглядеть как дань католической церкви. Но наша взяла и мы этим гордимся. Мы с мужем не теряем надежды когда-нибудь переделать крышу. Балки необходимо покрасить, поскольку старая краска облупилась. Да и покрывающие их рельефные украшения не мешало бы позолотить. А вот восточное окно – это просто *bete noir*¹⁰ моего Теодора. Ему ужасно не нравится грубое толстое стекло. Насколько я помню, его вставили в тысяча восемьсот сороковом году – в самый плохой период в истории нашей церкви, как говорит мой Теодор. Окна нефа полностью лишились стекол. Люди Кромвеля похозяничали. Слава богу, верхние окна сохранились хотя бы частично. Ведь на такую высоту взобраться непросто. Теодор полностью заменил скамьи десять лет назад. Он бы предпочел стулья, но пастве это не понравилось бы. Люди привыкли к скамьям. Теодор заказал почти такие же, как были. Вы бы ужаснулись, увидев старые. А еще по обе стороны церкви тянулись уродливые балконы. Они полностью закрывали окна приделов и портили вид наших прекрасных колонн. От них мы избавились примерно тогда же. Совершенно бесполезная деталь интерьера. К тому же школьники частенько роняли на головы сидящих внизу прихожан молитвенники и другие предметы. А вот хоры – совсем другое дело. Их возвели монахи

¹⁰ Предмет особой ненависти или отвращения (*фр.*).

аббатства, и они сохранились до наших дней. Правда, чудесная резьба? Чаша со святой водой самая простая. Ничего выдающегося.

Уимзи заметил, что никогда не питал особой страсти к изучению чаш.

– Решетка перед алтарем совсем обветшала. Самый настоящий викторианский ужас. Мечтаем заменить ее на что-нибудь более изящное, когда появятся деньги. Прошу прощения, но у меня нет ключей от колокольни. А вам, наверное, хотелось бы подняться наверх. Оттуда открывается великолепный вид, хотя над комнатой звонарей колокольня сплошь состоит из лестниц. У меня всегда начинает кружиться голова, особенно если подняться к колоколам. Меня они почему-то пугают. Ах да, я едва не забыла про купель! Вы непременно должны на нее взглянуть. Хотя я не помню, что в ней такого примечательного. Теодор мог бы рассказать, но его вызвали в срочном порядке, чтобы отвезти в больницу заболевшую женщину. Она живет за каналом у Торпс-Бриджа. Едва позавтракать успел.

«А еще говорят, – подумал Уимзи, – что приходские священники ничего не делают за свои деньги».

– Хотите остаться здесь и осмотреть все как следует? Потом запрете дверь и отнесете ключи мистеру Годфри. Это его связка. А куда Теодор подевал свою, ума не приложу. Вообще-то неправильно держать церковь запертой, но места здесь такие пустынные. А мы не можем присматривать за церковью из дома из-за кустов. Ведь сюда порой забредают всякие бродяги. Я сама видела, как на днях мимо прошел весьма неприятный человек. А недавно кто-то взломал ящик с пожертвованиями. Это, наверное, не так уж важно, поскольку денег там было совсем немного, но негодяи набедокурили в церкви. От досады. Нельзя позволять, чтобы подобное повторилось. Верно?

Уимзи согласился с тем, что позволять такое, конечно же, не следует, и выразил желание осмотреть церковь в одиночестве, пообещав не забыть о ключах. Сразу после того, как словоохотливая женщина вышла за дверь, он оставил в ящичке щедрое пожертвование, а затем изучил купель, лепные украшения на которой показались ему весьма любопытными и полными символизма, хотя и не слишком невинными. Чуть дальше Уимзи обнаружил тяжелый сундук, в котором не было ничего ценного – лишь потрепанные веревки для колоколов, – а потом прошел в северный придел. Здесь Уимзи заметил, что ступенчатые выступы колонн, поддерживающих расписанный ангелами купол, украшены лепными головами херувимов. Он постоял немного возле могилы аббата Томаса с возвышающейся на ней скульптурой в митре и парадном облачении. Судя по выражению лица скульптуры, этот родившийся в XIV веке церковник был суровым человеком. Для своих монахов и прихожан он был скорее правителем, чем пастырем. На плитах, обрамлявших могилу, были изображены сцены из жизни аббатства, в том числе и процесс изготовления колокола – Бетти Томаса. Было ясно, что аббат гордился своим колоколом, поскольку его ноги покоились именно на нем, а не на специальной подушечке. Колокол украшали выпуклые изречения. По его плечу тянулась надпись на латыни: «Noli esse incredulus sed fidelis»¹¹, по утолщенному краю – на древнеанглийском языке: «Меня создал аббат Томас. Звон мой громкий и чист. 1380», а по туловищу – «O sancte Thoma»¹². Эта последняя надпись, увенчанная митрой, оставляла посетителей в недоумении относительно того, о ком именно идет речь: апостоле или местном аббате. Хорошо, что аббат Томас умер задолго до того, как его хозяйство было разграблено королем Генрихом. Наверняка он стал бы защищать аббатство, и здание церкви непременно пострадало бы. Его преемник был слабохарактерным и смирился с действиями узурпаторов, отдав аббатство на разграбление. А вот церковь подверглась обряду очищения, совершенному реформаторами. Во всяком случае, именно такую историю поведал святой отец за картофельной запеканкой.

¹¹ Не будь неверующим, но верующим (*лат.*).

¹² О, святой Томас (*лат.*).

Супруги Венаблз расстались со своим гостем с большой неохотой. Однако мистер Браунлоу и мистер Уайлдерспин оказались настоящими мастерами своего дела, поэтому автомобиль Уимзи был готов уже к двум часам дня, и его светлость вознамерился попасть в Уолбич с наступлением темноты. Новые друзья сердечно пожали Уимзи руки, и тот пообещал приехать снова и в очередной раз исполнить роль звонаря. На прощание священник снабдил гостя одной из написанных им брошюр, а миссис Венаблз настояла на том, чтобы он выпил добрую порцию подогретого виски с содовой, который не даст ему замерзнуть в пути. Когда автомобиль свернул на берег Тридцатифутовой дамбы, Уимзи заметил, что ветер изменил направление и, несмотря на то что простирившиеся вокруг болота по-прежнему ослепляли покрывавшим их снегом, воздух стал мягче.

– Грядет оттепель, Бантер.

– Да, милорд.

– Когда-нибудь видели паводок в этих краях?

– Нет, милорд.

– Они выглядят такими пустынными. Особенно близ Велни и Мепал-Уошез, когда реки Старый и Новый Бедфорд выходят из берегов. Целые акры воды. И лишь кое-где из-под нее торчат островки земли да стволы ив. Во всяком случае, здесь болота осушили достаточно эффективно. А поглядите направо. Это, наверное, шлюз Ван-Лейден, с помощью которого талые воды стекают в Тридцатифутовую дамбу. Давайте посмотрим на карту. Да, он и есть. Видите место, где дамба соединяется с рекой Вейл? Если бы не шлюз, то вода из дамбы вернулась бы в реку и затопила все вокруг. Правда, расположение дамбы продумано не слишком хорошо. Впрочем, чего ожидать от инженеров семнадцатого века? Все тогда было совсем иначе. Исток Вейла находится где-то близ церкви Святого Петра и спускается вниз, минуя Поттерс-Лоуд. Не хотелось бы мне работать смотрителем шлюза. Уверен, ему ужасно одиноко.

Мужчины обратили свои взоры на уродливый кирпичный домишко, нелепо торчавший рядом с главным шлюзом. С одной стороны располагалась плотина, соединяющаяся с дамбой посредством еще одного шлюза, а с другой – собственно река Вейл, перегороженная пятиступенчатым шлюзом, препятствующим тому, чтобы русло повернуло вспять.

– И больше ни одного дома вокруг, и единственный коттедж в двух милях отсюда вверх по реке. От одиночества тут впору утопиться. Так... Посмотрим, как здесь проходит дорога. Тянется по мосту над дамбой, а затем резко сворачивает вправо и вдоль русла реки. Какое тут все угловатое. И повороты крутые. Глядите, а вот и смотритель шлюза. Думаю, хочет нас поприветствовать. Похоже, наше появление здесь – настоящее событие. Давайте помажем ему шляпами. Привет-привет! Как говаривал Стивенсон, «мы пройдем этим путем лишь однажды». И я всем сердцем верю, что так и будет. Кстати, что от нас нужно этому человеку?

Одиноко бредущий по дороге мужчина остановился и умоляюще протянул руки. Уимзи нажал на тормоз.

– Прошу прощения, сэр, – вежливо произнес незнакомец. – Не будете ли вы так любезны подсказать мне, правильной ли дорогой я иду в приход церкви Святого Павла?

– Да. Перейдите через мост, а затем следуйте вдоль дамбы до тех пор, пока не наткнетесь на указатель. Вы его никак не пропустите.

– Благодарю вас, сэр. Это далеко?

– Примерно пять с половиной миль до указателя и еще полмили до деревни.

– Большое спасибо.

– Вы замерзнете в дороге.

– Да, сэр. Зимой в этих местах ненастно. Но я надеюсь прибыть на место до наступления темноты, и мысль об этом согревает.

Мужчина говорил тихо, однако от слуха Уимзи не ускользнул лондонский выговор. Его серо-коричневое пальто было явно не из дешевых. Подбородок этого на вид пятидесятилетнего

мужчины покрывала короткая темная борода, однако он постоянно опускал голову, словно боялся быть узнанным.

– Хотите закурить?

– Большое спасибо, сэр.

Уимзи достал из портсигара несколько сигарет и протянул незнакомцу. Кожа на ладони была загрубевшей и мозолистой, будто ее обладатель долгое время занимался тяжелой работой, однако ничто в его манерах и внешности не выдавало сельского жителя.

– Вы ведь не местный?

– Нет, сэр.

– Ищете работу?

– Да.

– Разнорабочий?

– Нет, механик.

– Понимаю. Ну что ж, удачи вам.

– Благодарю вас, сэр. Хорошего вам дня.

– И вам.

С полмили Уимзи ехал молча, а потом произнес:

– Может, он и механик, но в последнее время ремонтом моторов явно не занимался – скорее работал в каменоломнях. Бывшего заключенного выдают глаза, Бантер. Прекрасная идея – забыть о прошлом и начать с чистого листа. Остается надеяться, что этот парень не доставит хлопот нашему доброму святому отцу.

II
Полная версия перезвона,
исполняемого семью колоколами
(Перезвон Холта в десяти частях)

5040

В конце каждой части

Первая половина	Вторая половина
256375	257364
267453	276543
275634	264735
253746	243657
235476	234567

Колокол № 2 завершающий

Первая половина: завершить простые колебания, направить в середину, раскачать на пятой позиции, в середину, вправо, в середину, влево, вправо, в середину, снова начать простые колебания (повторить 4 раза).

Вторая половина: завершить простые колебания, отклонить колокол влево, вправо, на середину, влево, вправо, раскачать на пятой позиции, влево, снова начать простые колебания (повторить 4 раза).

Каждая половина завершается единичным ударом по методу Холта.

Глава 3

Страшная находка

*Произнося столь ужасные слова, осени себя крестом, зажги свечу
и прозвони в колокол.*

Джон Мирк. Наставления приходским священникам. XV в.

В этом году весна и Пасха поздно посетили приход церкви Святого Павла. На свой строгий и слегка недовольный манер болота мирились с возвращением тепла и солнца. Вода почти ушла с пастбищ, и ростки пшеницы решительно потянули вверх бледно-зеленые головки. Голые колючие кусты, обрамляющие дамбы, постепенно покрывались мягкими зелеными листочками. Желтые сережки на ивах покачивались на ветру подобно толстым кончикам колокольных веревок, и дети срывали покрытые серебристым пушком веточки вербы, чтобы в Вербное воскресенье отнести их в церковь. На мрачных берегах рек под живыми изгородями распускались фиалки.

В саду дома священника пышно цвели желтые нарциссы, которые безжалостно трепал и клонил к земле ветер, постоянно гулявший на просторах Восточной Англии.

– Мои бедные нарциссы! – воскликнула миссис Венаблз, когда желтые лепестки осыпались, а похожие на маленькие воронки розетки касались земли. – Этот ужасный злобный ветер! Не представляю, как они его выдерживают! – Она срезала цветы, и в ее душе гордость боролась с сожалением. Столько сортов: «император», «императрица», «золотая шпора» – и всеми ими миссис Венаблз заполнит вазы возле алтаря, чтобы украсить его в Пасхальное воскресенье. «Желтый цвет яркий и праздничный, – думала она, пытаясь заставить цветы стоять прямо среди глянцевого зеленого барвинка и веточек зверобоя, – хотя жаль приносить в жертву такую красоту».

Миссис Венаблз опустила на колени перед решеткой алтаря, предварительно подложив под них продолговатую алую подушку, позаимствованную с церковной скамьи. По ее словам, она делала это, чтобы защитить «свои старые кости» от пронизывающего холода, исходившего от каменного пола. Все было под рукой: и четыре медные вазы, и корзинка, полная цветов, и лейка. Если бы миссис Венаблз поставила цветы в вазы дома, безжалостный юго-западный ветер уничтожил бы их, едва только она ступила бы на крыльцо.

– Ну что за непослушные создания! – пробормотала она, когда нарциссы рассыпались в стороны и беспомощно опустили головки. Слегка выпрямившись, миссис Венаблз оглядела результат своих трудов, а затем развернулась, услышав за спиной шаги.

В храм вошла рыжеволосая девочка лет пятнадцати, в черном платье. В руках она несла большую охапку нарциссов. Высокая, костлявая и нескладная, она, впрочем, обещала превратиться в настоящую красавицу.

– Вам нужны эти цветы, миссис Венаблз? Джонсон хотел принести аронник, но ветер такой сильный, что цветы могут сломаться, так что он решил привезти их в церковь на машине.

– Как это любезно, дорогая Хилари! Да, конечно, мне пригодятся любые белые цветы. Твои – прекрасны! А какой аромат! Просто чудо. Мне хотелось бы поставить несколько букетов на могилы аббата Томаса и Гауди. Однако в этом году я не стану... – Да, лицо миссис Венаблз приобрело весьма решительное выражение. – Я не стану украшать пучками зелени кафедру и купель. Это можно сделать на Рождество и праздник урожая, а во время Пасхи совершенно неуместно, так что теперь, когда старая мисс Мэллоу умерла, бедняжка, нет нужды поддерживать данную традицию.

– Терпеть не могу праздник урожая. Как можно закрывать такую красоту снопами пшеницы и ржи, кабачками и прочими овощами?

– Это нравится жителям деревни. Как говорит Теодор, это их праздник. Я считаю неправильным, что люди ценят этот праздник превыше церковных, но ничего не поделаешь. Когда мы сюда приехали, дела обстояли гораздо хуже. Это было еще до твоего рождения. Люди гвоздями прибавали к колоннам венки из зелени. Просто ужасно. Они совершенно не думали о последствиях. А на Рождество украшали церковь полотнами алой ткани с написанными на ней текстами. Отвратительно. В ризнице мы обнаружили целые рулоны этой ткани, в которых во множестве завелись моль и мыши. Мистер Венаблз решительно положил этому конец.

– Наверное, многие отреклись от англиканской церкви и перешли в другую веру?

– Нет, дорогая, только две семьи. Впоследствии одна из них вернулась в лоно нашей церкви. Ты их знаешь – это Уоллесы. У них возникли какие-то разногласия с католическим священником по поводу обеда в честь Страстной пятницы. Я уже не помню, в чем именно там было дело. Миссис Уоллес – весьма своеобразная женщина. Очень легко обижается. Но как бы то ни было... – миссис Венаблз постучала по дереву, – ...мы неплохо поладили с ней во время работы в «Женском институте». Не могла бы ты немного отойти и посмотреть, симметрично ли я расположила букеты?

– Можно добавить нарциссов на южную часть клироса, миссис Венаблз.

– Сюда? Спасибо, дорогая. Так лучше? Ну, думаю, этого хватит. Ох, мои старые косточки! Зато теперь не хуже, чем у других. А вот и Хинкинс с аспидистрами. Люди могут говорить про эти цветы все что угодно, но все равно их выращивают и добавляют в букеты. Правильно, Хинкинс. Шесть на эту могилу и шесть – на противоположную. Вы принесли большие кувшины? В них можно поставить нарциссы, а аспидистры немного замаскируют их непривлекательные бока. Еще можно взять немного плюща. Хинкинс, будьте так любезны, наполните мою лейку водой. Как себя чувствует твой папа, Хилари? Надеюсь, лучше?

– Боюсь, ему ничуть не лучше, миссис Венаблз. Доктор Бейнз боится, что он не справится с болезнью. Бедный мой отец!

– О, моя дорогая! Мне ужасно жаль. Тяжелые у тебя времена. Потрясение от столь неожиданного ухода твоей матери оказалось слишком сильным.

Девочка кивнула.

– Будем надеяться и молиться. Возможно, все не так уж плохо, как считает доктор. Он на все смотрит слишком пессимистично. Полагаю, именно поэтому доктор довольствуется практикой в сельской местности. А ведь он умный человек. Почему вы не хотите выслушать еще одно мнение?

– Мы как раз собираемся это сделать. Во вторник к нам приедет некий Хорделл. Доктор Бейнз пытался вызвать его сегодня, но тот уехал на Пасху.

– Врачам не следует отлучаться, – неодобрительно покачала головой миссис Венаблз. Священник никогда не уезжал из дома по большим праздникам, да и в другое время тоже, поэтому его жена не понимала, что может быть иначе.

Хилари Торп печально усмехнулась:

– Я тоже так считаю. Но, как говорят, он лучший из лучших. К тому же каких-то два дня ничего не изменят.

– Господи, разумеется, нет. Я очень на это надеюсь, – всплеснула руками миссис Венаблз. – Это Джонсон? Нет, Джек Годфри. По-моему, он собирался смазать колокола.

– Правда? Хочу посмотреть. Можно я поднимусь на колокольню, миссис Венаблз?

– Да, дорогая. Но будь осторожна. Всегда считала эти высокие лестницы ненадежными.

– А меня они совсем не страшат. К тому же я люблю смотреть на колокола.

Хилари поспешила наверх и перехватила Джека Годфри как раз в тот момент, когда он поднялся по винтовой лестнице в комнату звонарей.

– Я пришла, чтобы посмотреть, как вы смазываете колокола, мистер Годфри. Я вам не помешаю?

– Нет, мисс Хилари. Буду рад, если вы составите мне компанию. Поднимайтесь по лестнице впереди меня, чтобы я мог вас поддержать, если вы оступитесь.

– Не оступлюсь, – насмешливо возразила Хилари.

Она быстро зашагала по полустертым ступеням в помещение на втором этаже колокольни. Здесь не было ничего, кроме отделения, где располагался механизм часов, и восьми веревок, спускающихся вниз через специальные отверстия и устремляющихся вверх через точно такие же. Джек Годфри, с банкой смазки и ветошью в руках, неторопливо двигался следом за девочкой.

– Смотрите под ноги, мисс Хилари, – предупредил он. – Пол неровный.

Хилари кивнула. Ей нравилось это пустое, залитое солнцем помещение, стены которого практически полностью состояли из окон. Комната была похожа на стеклянный замок на вершине скалы. Тени от витражей падали на пол, отчего он напоминал резную кованую решетку. Хилари поглядела в мутное окно. Повсюду простиралась зелень болот.

– Мне бы хотелось подняться на самую высоту, мистер Годфри.

– Хорошо, мисс Хилари. Я провожу вас. Только вот закончу с колоколами.

Люк, который вел в помещение с колоколами, был заперт на замок. Прикрепленная к нему цепочка спускалась вниз и исчезала в деревянном ящичке на стене. Выбрав из связки ключ, Годфри отпер замок, высвободил противовес, потянул за него, и люк открылся.

– Почему эту дверь держат запертой, мистер Годфри?

– Звонари забывали закрывать ее, и наш священник сказал, что это небезопасно. Видите ли, мисс Хилари, сюда может забрести Дурачок Пик или какой-нибудь местный озорник. Забравшись на самый верх, они могут упасть вниз и пораниться, поэтому святой отец попросил сделать замок, чтобы посторонние не сумели открыть дверь.

– Ясно. – Хилари еле заметно улыбнулась. «Пораниться...» Это мягко сказано, учитывая, что падать придется с высоты сто двадцать футов.

Девочка направилась ко второй лестнице.

В отличие от предыдущей светлой и радостной комнаты, здесь, наверху, было мрачно и даже жутковато. Свет проникал сюда лишь сквозь узкие решетки, расположенные над высокими тусклыми окнами. Слабым солнечным лучам, падающим на стены бледными золотистыми пятнами, не под силу было прогнать мрак и холод. Зато они отбрасывали причудливые тени на огромные колеса, приводившие в движение колокола.

Весело и беззаботно оглядев своих старых знакомых, мистер Годфри взял прислоненную к стене лестницу и осторожно приставил ее к одной из поперечных балок.

– Позвольте мне подняться первой, а то я не увижу, как вы работаете.

Мистер Годфри остановился и почесал затылок. Эта затея казалась ему рискованной, и он попытался возразить, однако девочка упорствовала:

– Со мной все будет в порядке. Просто сяду на балку. Я нисколько не боюсь высоты. И в спортивном зале делаю успехи.

Дочь сэра Генри не привыкла, чтобы ей отказывали, поэтому и на сей раз получила желаемое, хотя и с условием, что будет держаться крепко и не свалится вниз. После этого Джек помог ей подняться по лестнице и устроиться на балке. Сам же он, весело насвистывая себе под нос, разложил рядом все необходимое и принялся за работу. Джек тщательно смазал штифты, цапфы и ворот, проверил, насколько хорошо двигается ползун между блоками, а потом внимательно осмотрел веревку на предмет потертостей в тех местах, где она проходила по колесу и вороту.

– Никогда не видела Тейлора Пола так близко. Он такой огромный.

– Вы совершенно правы, – одобрительно кивнул Джек Годфри, дружески похлопывая колокол по бронзовому плечу. Солнечный луч скользнул по внутренней поверхности колокола,

осветив надпись, которую Хилари прекрасно знала: «Девять погребальных ударов напоминают, что смерть пришла с Адамом. 1614».

– В свое время старина Тейлор Пол поработал на славу. Сколько радостных перезвонов подарил он округе и скольких людей проводил в последний путь. Вместе с Гауде он звонил во время налета дирижаблей, чтобы предупредить жителей окрестностей об опасности. Священник говорит, что скоро придется его ремонтировать, но я не уверен. Полагаю, он прослужит еще долго. Его звук достаточно чистый.

– Вы должны звонить по каждому умершему в нашем приходе, верно? Кем бы он ни был?

– Да, по каждому покойнику независимо от его вероисповедания. Эту традицию завел старый сэр Мартин Торп, ваш прапрадедушка, когда оставил деньги на изготовление колокола. «По каждой христианской душе» – так значилось в его завещании. Однажды мы даже звонили по усопшей женщине, принадлежавшей к Римско-католической церкви. И это расстроило старика Эзекаю. «Что? Звонить в колокол по католичке? – воскликнул он. – Мы ведь не станем совершать обряд так же, как по всем остальным, а, святой отец?» – «Послушай, Эзекайя, – произнес священник. – Все мы когда-то исповедовали католическую веру. Даже нашу церковь построили католики». Но Эзекайя не хотел ничего слушать. Он ведь не слишком хорошо образован. А теперь, мисс Хилари, думаю, что с Тейлором Полом я закончил. Дайте мне свою руку, чтобы я помог вам спуститься.

После этого настал черед Гауде, Саваофа, Джона, Иерихона, Джубили и Димити. Джек тщательно проверил и смазал механизм каждого из них. Однако когда пришло время заняться Бетти Томасом, мистер Годфри неожиданно проявил упрямство.

– Я не возьму вас к этому колоколу, мисс Хилари. Он несчастливый. У него свои странности, и я не хочу рисковать.

– Что это значит?

– Это мой колокол, – сказал он. – Я звоню в него почти пятнадцать лет и содержу в порядке около десяти лет, с тех самых пор, как Эзекайя стал слишком стар для того, чтобы лазить по лестницам. Мы с колоколом прекрасно знаем друг друга и не ссоримся. Но у него есть свои причуды. Поговаривают, будто он унаследовал свой характер от установившего его здесь человека. Мол, когда из аббатства начали выгонять монахов, Бетти Томас звонил целую ночь сам по себе. А когда Кромвель послал своих людей, чтобы разграбить церковь, один солдат поднялся на колокольню. Может, хотел уничтожить колокола. Другие солдаты, которые не знали о том, что их товарищ на колокольне, принялись дергать за веревки и тем самым привели колокола в движение. Когда же солдат наклонился, чтобы лучше разглядеть колокола, Бетти Томас качнулся и убил его. Все это давно стало достоянием истории. Но наш священник любит рассказывать, как Бетти Томас спас церковь. Солдаты, насмерть перепугавшись, бросились прочь: они сочли смерть товарища наказанием, – а я полагаю, что это случилось по неосторожности. Правда, несчастье произошло еще с учеником звонаря. Он пытался раскатать Бетти Томаса. Веревка обмоталась вокруг его шеи и задушила. Ужасно, но я снова повторю, что виной всему неосторожность. Не следовало отпускать его на колокольню одного. Видите, мисс Хилари, Бетти Томас убил двух людей. И хотя в обоих случаях имела место неосмотрительность, мне не хотелось бы рисковать.

Мистер Годфри забрался вверх по лестнице и принялся смазывать механизм колокола в одиночестве. Такой поворот событий не обрадовал Хилари, но она знала, когда нужно отступить, и упрямиться не стала. Чтобы скоротать время, Хилари принялась бродить по колокольне, поднимая вековую пыль квадратными мысками своих школьных туфель и читая начертанные на стенах имена, оставленные здесь давно почившими обитателями этих мест. Внезапно в дальнем углу комнаты что-то забелело в лучах солнца. Девочка нагнулась и подняла странный предмет. Им оказался листок тонкой бумаги в клеточку не слишком хорошего качества. Этот листок напомнил Хилари письма, которые она порой получала от своей гувер-

нантки-француженки. Разглядев листок получше, девочка увидела, что он исписан розовыми чернилами, которые опять же напомнили ей о мадемуазель. Письмо было написано аккуратным ровным почерком, только вот Хилари почему-то показалось, будто писал его не слишком образованный человек. Листок был сложен вчетверо и изрядно покрылся пылью.

– Мистер Годфри!

Голос Хилари прозвучал так неожиданно и взволнованно, что Джек вздрогнул и едва не свалился с лестницы, чем увеличил бы количество жертв своенравного колокола.

– Да, мисс Хилари?

– Я нашла кое-что интересное. Взгляните.

– Одну минуту, мисс Хилари.

Мистер Годфри закончил свою работу и спустился вниз. Хилари стояла в брызгах солнечного света, отражавшегося от бронзовых боков Тейлора Пола и осыпавшего ее подобно золотому дождю. В руках она держала листок бумаги.

– Я нашла это на полу. Только послушайте, что здесь написано. Нелепица какая-то. Как думаете, мог это написать Дурачок Пик?

Мистер Годфри покачал головой:

– Не знаю, мисс Хилари. Он довольно странный, наш Пик. И часто поднимался на колокольню, пока священник не приказал повесить на дверь замок. Но, по-моему, это не его почерк.

– Вероятно, это написал какой-то сумасшедший. Прочитайте. Очень странный текст. – Хилари смущенно захихикала.

Мистер Годфри бережно поставил на пол принадлежности для смазки, почесал затылок и начал читать вслух, водя по строчкам перепачканным пальцем:

– «Я надеялся отыскать в полях фей, но увидел лишь злобных слонов с черными спинами. О, какой благоговейный страх внушило мне это зрелище! Вокруг танцевали эльфы, и я отчетливо слышал их голоса. О, как же я надеялся их разглядеть, разогнать отвратительное облако, застилающее мой взор. Но ни одному смертному не позволено увидеть их. А потом пришли менестрели с золотыми трубами, арфами и барабанами. Они играли очень громко и разрушили чары. Видение исчезло, и я вознес хвалу Господу! Я пролил немало слез, прежде чем взошел на небе тонкий месяц, хрупкий и бледный, точно изогнутая соломинка. И пусть чародей скрежет зубами. Он все равно вернется с наступлением весны. О, несчастный! Земля разверзлась, и взору открылся Эреб. Смерть ждет меня в конце пути». М-да, – протянул мистер Годфри. – Очень странно. Только вот мне кажется, это писал не Пик. А тут упоминается о каком-то Эребе. Что это, как вы думаете?

– Одно из названий ада, – ответила Хилари.

– Ясно. У человека, написавшего это, похоже, ад в голове. Феи, слоны... Не знаю. По мне, так это похоже на шутку. А может... – Глаза мужчины вспыхнули, когда его вдруг осенило. – Может, кто-то просто скопировал отрывок из старинной книги? Не удивлюсь, если так оно и есть. Только вот как этот листок попал сюда? На вашем месте, мисс Хилари, я бы показал его святому отцу. Он прочитал множество книг и наверняка знает, откуда этот отрывок.

– Неплохая идея. Именно так я и поступлю. И все же это загадочно, правда? И страшно. А теперь мы можем подняться еще выше, мистер Годфри?

Джек не возражал, и вместе они принялись карабкаться по последней, самой длинной лестнице, ведущей на крышу. Ветер был таким сильным, что о него можно было облокотиться как о стену. Хилари сняла шляпку, позволив порывам ветра играть со своими густыми, коротко подстриженными волосами и став похожей на одного из ангелов, изображенных на куполе церкви. Но скудное воображение мистера Годфри не позволило заметить сходства. Заостренные черты лица и прямые волосы мисс Хилари казались ему не слишком привлекательными, но он, конечно, не подал виду и лишь посоветовал девочке крепче держаться за железный шест, на котором вертелся флюгер. Однако Хилари не обратила внимания на его слова. Она подошла

к зубчатому парапету и принялась обозревать болота. Далеко внизу располагалось церковное кладбище, и какая-то крошечная фигурка, похожая на жука, спустилась с крыльца и быстро пошла по тропинке. Вероятно, миссис Венаблз решила отправиться домой на ланч. Хилари наблюдала, как женщина сражалась с ветром за право открыть калитку и войти в сад. Девочка развернулась на восток и посмотрела на остроконечные крыши нефа и алтаря. Потом ее взгляд упал на коричневое пятно, выделяющееся на фоне зелени церковного кладбища, и сердце едва не перевернулось в груди. Там, у северо-восточной стены церкви, была похоронена ее мать. Могила еще не успела зарости травой и, казалось, готова была раскрыться и позволить мужу воссоединиться с женой.

– Господи, – в отчаянии прошептала Хилари. – Только не дай умереть моему отцу. Ты не можешь. Просто не можешь позволить этого.

За пределами кладбища расстилалось зеленое поле, в самой середине которого виднелось небольшое углубление. Девочка знала, что это такое. Углубление появилось здесь более трехсот лет назад. Время почти стерло его границы, однако не уничтожило окончательно. Именно тут, на этом поле, отлили три сотни лет назад колокол Тейлор Пол.

За спиной девочки раздался голос Джека Годфри:

– Пора спускаться вниз, мисс Хилари.

– Ах да. Извините. Я забыла. Завтра вы снова звоните?

– Да, мисс Хилари. Хотим попробовать перезвон Стедмана. Это нелегко, зато в результате получается очень красиво. Если, конечно, не делать ошибок. Берегите голову, мисс Хилари. Перезвон состоит из пяти тысяч сорока ударов и займет целых три часа. К счастью, Уильям Тодей выздоровел, ведь ни Том Теббат, ни юный Джордж Уайлдерспин не сильны в искусстве стедманского перезвона. Да и Уолли Пратта настоящим мастером тоже не назовешь. Подождите минуту, мисс Хилари. Я соберу свои вещи. По моему мнению, это самый интересный из всех методов, ведь удержать в голове последовательность ударов довольно непросто. А вот старику Эзекайе он совсем не по нраву, ему нравится звонить в свой тенор. Стедман его не привлекает, да это и неудивительно. Он уже стар и вряд ли выучит последовательность ударов. К тому же тенор почти в нем не участвует, а старик Эзекайя ни за что не оставит своего Тейлора Пола. Подождите, мисс Хилари, нужно закрепить противовес на замке. И все же если мне позволят участвовать в перезвоне Стедмана, то большего и не надо. До появления в приходе нынешнего священника об этом методе и не слышали. Святому отцу потребовалось немало времени, чтобы передать нам свои знания. Ох и намучились же мы! Старик Джон Тодей, покойный отец Уильяма, помню, твердил: «Я вам так скажу, парни: даже сам дьявол не разберется в этом проклятом методе». После этого святой отец присудил ему штраф в шесть пенни за сквернословие. Ведь именно этого требуют древние правила звонарей. Осторожнее, мисс Хилари, не оступитесь. Ступени изрядно стертые. Но все же мы выучили метод Стедмана, и он пришелся мне по душе. Что ж, хорошего вам утра, мисс Хилари.

* * *

Ранним утром Пасхального воскресенья звонари исполнили обещанные 5040 ударов перезвона. Хилари Торп слушала его из Красного дома, сидя у изголовья огромной старинной кровати с балдахином, так же как сидела утром Нового года. Тогда звон колоколов казался громким и чистым. Сегодня же он доносился со стороны церкви лишь время от времени, когда злобный ветер на мгновение менял направление.

– Хилари!

– Да, папа?

– Боюсь, что почти ничего не смогу оставить тебе после смерти, девочка моя.

– Мне безразлично, папа. Я беспокоюсь только о тебе. Но если уж случится непоправимое, со мной все будет в порядке.

– У меня достаточно средств, чтобы отправить тебя в Оксфорд. Обучение девочек там не слишком дорогое. Твой дядя об этом позаботится.

– Да. Я в любом случае хочу получить образование. А деньги мне не нужны. Я сама зарабатываю себе на жизнь. Мисс Боулер не уважает женщин, которые не могут позволить себе стать независимыми. – Эта учительница английского языка стала для Хилари настоящим идиолом. – Я собираюсь стать писательницей. Мисс Боулер говорит, что совершенно не удивится, если у меня получится.

– Вот как? И что же ты собираешься писать? Стихи?

– Наверное. Но, по-моему, за стихи платят не слишком много. Буду сочинять романы, бестселлеры, которые раскупают как горячие пирожки. Но не глупые, а такие, как «Верная нимфа».

– Все это замечательно, девочка моя, но, прежде чем писать романы, тебе необходимо набраться опыта.

– Глупости, папа. Чтобы сочинять романы, опыт не нужен. С этим прекрасно справляются даже студенты Оксфорда. Описывают ужасные годы своей учебы.

– Понятно. Значит, окончив Оксфорд, ты опишешь свой печальный опыт пребывания в этом учебном заведении.

– А что? Это идея. Такое мне по силам.

– Что ж, дорогая, остается лишь надеяться, что это сработает. И все равно я чувствую себя ужасно из-за того, что оставляю тебе так мало. Если бы только это проклятое ожерелье нашлось! Я совершил глупость, выплатив Уилбрахам его стоимость. Но она обвинила отца в соучастии, вот я и...

– Папа, прошу, не вспоминай больше об этом ожерелье! Ты не мог поступить иначе. А мне деньги не нужны. К тому же ты пока не умираешь.

Однако врач, приехавший во вторник, не смог обнадежить присутствующих. Отведя доктора Бейнза в сторонку, он мягко произнес:

– Вы сделали все, что могли. И даже если бы пригласили меня раньше, ничего бы не изменилось.

Затем он так же мягко обратился к Хилари:

– Но мы не должны терять надежды, мисс Торп. Я не могу скрывать от вас, что состояние вашего отца весьма серьезно, однако природа зачастую творит настоящие чудеса, даруя выздоровление безнадежно больным.

Но если медики начинают говорить о чудесах, то становится ясно, что пора готовиться к похоронам.

Прошла неделя, и когда в понедельник днем мистер Венаблз покидал дом одной весьма сварливой и острой на язык леди, расположенный на самой окраине деревни, до его слуха донесся глубокий и громкий звук колокола. Святой отец так и замер у калитки.

– Это Тейлор Пол, – сказал он.

Три торжественных удара, а затем пауза.

– Мужчина или женщина?

Еще три удара и опять три.

– Мужчина. – Священник продолжал стоять и слушать. – Неужели бедняга Мерриуэзер наконец отошел в мир иной? Только бы не сынишка Хенсмана. – Он насчитал двенадцать ударов, но колокол продолжал звонить. Мистер Венаблз вздохнул с облегчением. Во всяком случае, речь шла не о сыне Хенсмана. Он быстро прикинул, по ком же из его прихожан мог звонить колокол. Двадцать ударов, тридцать... Взрослый мужчина.

«Господи, наверняка это не сэр Генри, – подумал святой отец. – Вчера мне показалось, что ему стало лучше. – Сорок ударов, сорок один, сорок два. – Скорее всего это действительно несчастный старик Мерриуэзер. Смерть принесла ему облегчение. Сорок три, сорок четыре, сорок пять, сорок шесть. Нет-нет, удары должны продолжаться. Нельзя, чтобы колокол остановился на этом роковом числе. Ведь старику Мерриуэзеру восемьдесят четыре года». Он напряг слух. Вероятно, он не расслышал следующего удара. Сегодня ветер слишком силен, да и слух у него уже не такой острый, как прежде.

Однако священнику пришлось ждать тридцать секунд, прежде чем Тейлор Пол снова «заговорил». А вскоре вновь воцарилась тишина.

Сварливая старая дама, ошеломленная тем, что святой отец так долго стоит с непокрытой головой у ее калитки, спустилась с крыльца и, прихрамывая, направилась к нему узнать, в чем дело.

– Траурный звон, – пояснил он. – Колокол сделал девять погребальных ударов, а потом еще сорок шесть. Так что, боюсь, скончался сэр Генри.

– О господи! – всплеснула руками старуха. – Как скверно. Очень скверно. – В ее глазах промелькнула жалость, но тоже какая-то сварливая, как и она сама. – Что теперь будет с несчастной мисс Хилари, когда отец и мать покинули ее так неожиданно? Ведь ей всего пятнадцать лет и за ней некому присмотреть. Я неодобрительно отношусь к девушкам, которые предоставлены сами себе. От них одни неприятности. Несправедливо, что Господь так рано забирает у детей родителей.

– Провидению было так угодно. И не нам судить деяния Господа, – мягко возразил священник.

– Провидению? – усмехнулась старуха. – Не надо говорить мне о Провидении. Хватит с меня. Сначала Господь забрал моего мужа, затем дочерей. Жаль, что никто не может указать ему на его ошибки.

Однако мистер Венаблз был слишком расстроен, чтобы найти достойный ответ.

– Мы просто должны верить в Бога, миссис Гиддингс, – произнес он и порывисто отворил калитку.

Похороны сэра Генри назначили на пятницу. Это горестное событие имело особое значение по крайней мере для четырех человек. Прежде всего для мистера Рассела, гробовщика, который приходился кузеном той самой Мэри Рассел, что вышла замуж за Уильяма Тодея. Он вознамерился превзойти самого себя, занимаясь изготовлением гроба из полированного дуба с медными ручками, и почти целую неделю не давал отдохнуть молотку и рубанку. На его долю также выпала деликатная задача выбрать шестерых носильщиков, которые подходили бы друг другу по росту и походке. Эзекайя Лавендер и Джек Годфри готовились к прощальному перезвону. Он должен был звучать приглушенно, поэтому мистеру Годфри следовало надеть на языки колоколов кожаные чехлы, а вот дергать за веревку предстояло старику Лавендеру. Мистер Гоутубед, церковный сторож и могильщик, должен был подготовить могилу. Он настолько проникся ответственностью, что даже отказался участвовать в перезвоне, хотя его сын Дик, всегда помогавший в рытье могил, настаивал на том, что справится самостоятельно. На сей раз работы предстояло действительно немного, к разочарованию мистера Гоутубеда. Еще при жизни сэра Генри выразил желание быть похороненным в одной могиле с женой, что значительно облегчило могильщику его задачу. Ведь обычно приходилось делать замеры и придавать яме форму. Но сейчас нужно было лишь аккуратно освободить старую могилу от земли, не успевшей спрессоваться за три месяца, а затем обложить ее края свежим дерном. Однако мистер Гоутубед не привык откладывать дела и решил заняться подготовкой могилы уже в четверг днем.

Священник, обойдя с визитом прихожан, вернулся домой и хотел уже сесть и выпить чаю, когда в гостиной появилась Эмили.

– Прошу прощения, сэр, но с вами хочет поговорить Гарри Гоутубед.

– Где он?

– У черного хода, сэр. Он не пожелал зайти. Сказал, что у него слишком грязная обувь.

Мистер Венаблз прошел к задней двери и увидел могильщика, неловко переминавшегося с ноги на ногу и комкавшего в руках шапку.

– Здравствуй, Гарри! Что случилось?

– Видите ли, сэр, я по поводу могилы. Решил, что лучше сначала поговорить с вами, коль уж наше кладбище расположено на церковной земле. В общем, когда мы с Диком раскопали могилу, то увидели там тело.

– Тело? Ведь там похоронена леди Торп. Ты сам ее и закапывал.

– Да, сэр, но это тело не леди Торп, а какого-то мужчины. И, сдастся мне, он не имеет права там лежать. Вот я и сказал Дику...

– Тело мужчины? Вы обнаружили его в гробу?

– Нет, сэр, не в гробу. Просто в одежде. Выглядит так, будто пролежал там не одну неделю. Вот Дик и говорит: «Отец, чую я, без полиции тут не обойтись. Давай пошлю за Джеком Пристом?» Да, так он сказал. А я ответил: «Нет, это церковная земля, поэтому обо всем нужно рассказать нашему святому отцу. Это правильно и уважительно. Прикрой чем-нибудь тело, пока я схожу за мистером Венаблзом. Да не подпускай никого к могиле». Я надел пальто и пришел к вам, потому что мы с Диком совершенно не знаем, что делать дальше.

– Вот уж странность так странность, Гарри! – воскликнул священник. – Еще ни разу я не... Что это за человек? Ты его знаешь?

– Сэр, сдастся мне, что теперь его и родная мать не узнает. Может, сходите на кладбище да поглядите на него?

– Да-да, разумеется. Так будет лучше. О господи! Эмили! Эмили! Ты не видела мою шляпу? А, спасибо. Идем, Гарри. Да, Эмили, сообщи миссис Венаблз, что мне пришлось отлучиться. Пусть не ждет меня к чаю. Да, Гарри, вот теперь я готов.

В отсутствие отца Дик Гоутубед прикрыл могилу куском брезента, но, заметив священника, тотчас же поднял. Святой отец лишь мельком взглянул на труп и отвел взгляд. Дик вернул брезент на место.

– Какое ужасное зрелище, – вздохнул мистер Венаблз и снял шляпу, чтобы отдать дань уважения изуродованному телу под брезентом. Он озадаченно стоял перед могилой, и ветер безжалостно трепал его редкие седые волосы. – Мы непременно должны послать за констеблем и... и... – Его лицо осветилось. – И за доктором Бейнзом, конечно. Да-да, доктор Бейнз – именно тот, кто нам нужен. Кстати, Гарри, я где-то читал, что в таких случаях лучше ничего не трогать. Интересно, кто такой этот бедняга? Он не из нашей деревни. Это точно. Ведь если бы кто-нибудь пропал, мы непременно узнали бы об этом. Не представляю, как он тут оказался.

– Мы тоже, сэр. Вроде он не из наших мест. Прошу прощения, сэр, но разве мы не должны известить об этом также и coronera?

– Coronera? Ах ты, господи! Разумеется. Наверняка будет расследование. Боже мой, какой ужас! Ничего подобного не происходило в нашем приходе с тех самых пор, как мы с миссис Венаблз сюда приехали. А случилось это почти двадцать лет назад. Для мисс Торп это станет настоящим ударом. Бедное дитя! Такое ужасное надругательство над могилой ее родителей. Но держать это происшествие в тайне не получится. Следствие... Так, так, так... Нужно постараться сохранить самообладание. Дик, беги на почту. Надо позвонить доктору Бейнзу и попросить его немедленно явиться сюда. Необходимо сделать звонок в приход Святого Петра и попросить кого-нибудь передать сообщение Джеку Присту. А тебе, Гарри, лучше остаться здесь и присмотреть за... могилой. Я же отправлюсь в Красный дом и лично сообщу ужасную новость мисс Торп. Нельзя допустить, чтобы она все узнала от кого-либо другого, да еще и в искаженном виде. Или послать к девочке миссис Венаблз? Нужно с ней посоветоваться. Да-

да, я непременно должен посоветоваться с женой. Ну же, Дик, беги. Да не рассказывай никому о том, что случилось, до приезда констебля.

Никто не сомневался в том, что Дик Гоутубед сделал все от него зависящее. Только вот телефон стоял в гостиной начальницы почтового отделения, и сохранить в тайне какие-либо разговоры не представлялось возможным. В общем, когда на место происшествия явился запыхавшийся констебль на своем велосипеде, вокруг кладбища уже собралась толпа зевак, среди которых находился и Эзекайя Лавендер. Он бежал так быстро, насколько позволяли его старые больные ноги, и был ужасно возмущен тем обстоятельством, что Гарри Гоутубед не пустил его за ограду.

– Посторонись! – крикнул констебль, ловко лавируя среди детей, толкавшихся возле покойницкой. – Что вы тут делаете? А ну-ка бегите домой, к своими мамашам. И больше не попадайтесь мне на глаза. Добрый день, мистер Венаблз. Что тут у вас стряслось?

– На церковном кладбище обнаружили тело, – ответил священник.

– Тело, говорите? Удачное место, надо сказать. И что же вы с ним сделали? Ага. Оставили там же, где нашли. Вы поступили правильно, сэр. А где это место? О, вон там. Теперь вижу. Что ж, хорошо. Давайте на него взглянем. Ого! Ну и ну! А вы чем тут занимались, Гарри? Пытались зарыть его?

Священник начал объяснять, что произошло, но констебль поднял руку, заставляя его замолчать.

– Одну минуту, сэр. Давайте будем действовать так, как предписывает инструкция. Сейчас я достану блокнот, и мы запишем все по порядку. Итак, сегодняшняя дата. Звонок поступил в семнадцать пятнадцать. Я отправился на церковное кладбище и прибыл на место в семнадцать тридцать. Кто обнаружил тело?

– Дик и я.

– Имя? – спросил констебль.

– Ну же, Джек. Ты прекрасно меня знаешь.

– Это не имеет значения. Нужно действовать по правилам. Имя?

– Гарри Гоутубед.

– Род занятий?

– Церковный сторож и по совместительству могильщик.

– Совершенно верно, Гарри. Рассказывай, как было дело.

– Так вот я и говорю, Джек, мы стали раскапывать могилу леди Торп, умершей в Новый год, чтобы подготовить место для похорон сэра Генри, которые должны состояться завтра. Начали работать с разных концов могилы. Откидывали землю в сторону. Опустились примерно на фут, когда Дик вдруг сказал мне: «Отец, там что-то есть». А я ответил: «Что же это? Что там может быть?» Я погрузил лопату в землю, и она наткнулась на что-то не слишком твердое, но и не слишком мягкое. И тогда я сказал: «Знаешь, Дик, очень уж это странно. Давай-ка действовать осторожнее». Мы принялись копать осторожнее, и вскоре из-под земли показался похожий на ботинок предмет. И тогда я сказал: «Гляди, Дик, это же ботинок». А он ответил: «Да, отец, ты прав». «Ох, не нравится мне все это», – добавил я. А Дик предложил: «Коль уж мы зашли так далеко, давай взглянем, кто это». Мы снова начали копать, и из-под земли показались волосы. Тут я и говорю Дик: «Отложи-ка лопату, сынок, и давай копать руками». А он: «Мне это не нравится». Тогда я ответил: «Не глупи. Руки можно вымыть». Мы продолжили работать руками и наконец увидели тело целиком. Я сказал: «Дик, я не знаю, кто это и как он сюда попал. Зато точно знаю, что его тут быть не должно». И тогда Дик предложил послать за Джеком Пристом. Я же возразил, что это церковная земля и для начала нужно сообщить священнику. Так мы и поступили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.